

СЕРГЕЙ ТАРМАШЕВ

КАЖДОМУ СВОЁ 2

Миры и войны Сергея Тармашева

Сергей Тармашев

Каждому своё 2

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тармашев С. С.

Каждому своё 2 / С. С. Тармашев — «АСТ», 2018 — (Миры и войны Сергея Тармашева)

ISBN 978-5-17-101559-6

Обмен массированными ядерными ударами 29 августа 2111 года стер с лица земли города, реки обратились в пар, деревья, дома и дороги — в камни и пепел. Солнце закрыла радиоактивная пыль. Казалось бы, когда не осталось ни государств, ни правительств, каждый предоставлен самому себе. Но тем, кто укрылся под землей, не выжить без специальной подготовки или грамотного руководства. Только кто отличит будущего спасителя человечества от обезумевшего мародера? Захвативший элитный бункер полковник Брилёв не спешит открывать двери перед очередной группой вооруженных людей. Входной билет обойдется капитану Порфирьеву недешево... Новый роман саги «Каждому своё» от легенды российской боевой фантастики Сергея Тармашева о судьбе уцелевших в первые недели ядерного апокалипсиса!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101559-6

© Тармашев С. С., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Каждому своё 2	6
Конец ознакомительного фрагмента.	53

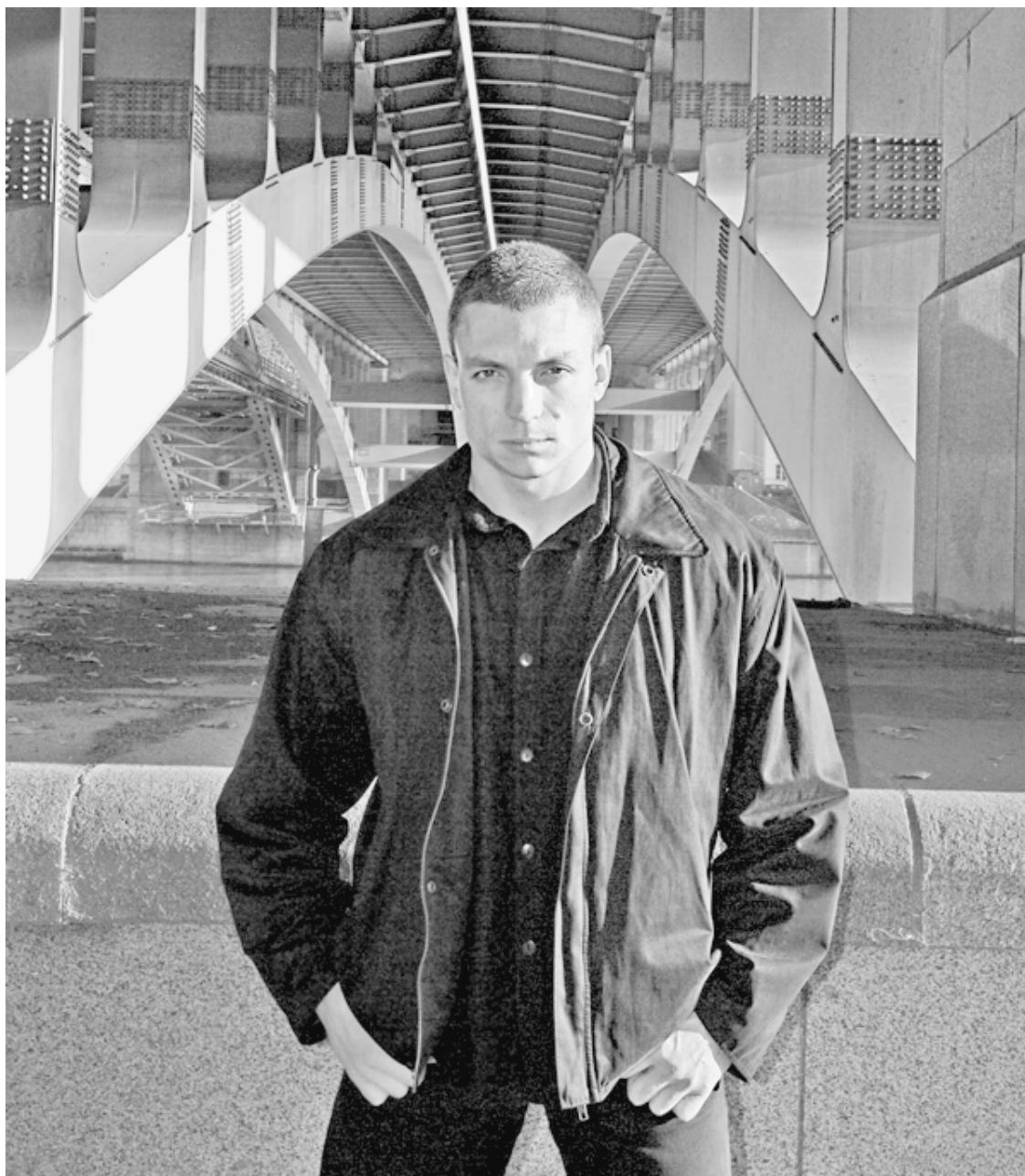
Сергей Тармашев

Каждому своё 2

© Тармашев С.С., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Каждому своё 2

«Экстренное руководство к действию!»

Максимальный уровень секретности. Архивирование запрещено! После ознакомления уничтожить!

Десять стандартных суток назад размещенная в системе Ярило резидентура подтвердила успешное завершение фазы деперсонализации целевого объекта. Все следы нашей деятельности подверглись тотальному разрушению. Марионеточные управленческие группы из числа генетически модифицированных аборигенов ликвидированы в полном составе. Цивилизация на объекте уничтожена. Резидентура сообщила о вступлении в действие второй фазы обработки объекта, подразумевающей поголовное вымирание выживших аборигенов, имеющее целью абсолютное уничтожение любых остаточных признаков нашей активности на объекте. Максимальный приоритет присвоен ликвидации свидетельств генетического вмешательства в ДНК марионеток. Резидентуре поставлена задача по полному обнулению какой бы то ни было информационной составляющей о проводившихся миссиях, сохранение которой не исключено на уровне слухов среди аборигенов, до начала зачистки объекта имевших служебные либо родственные связи с марионетками, а также с их непосредственными приближенными.

В момент завершения данного доклада связь с резидентурой прервалась. По предназначенным для нештатных ситуаций каналам экстренных систем коммуникаций резидентура на связь не вышла. В определенное для следующего доклада время контакт с агентами не состоялся. Все имеющиеся каналы связи не отвечают на запросы. Системы дальнего обнаружения не фиксируют в системе Ярило наличие объектов резидентской инфраструктуры, включая сооружения максимальной степени конспирации. Проведенное в экстренном порядке внешнее дистанционное сканирование не выявило признаков присутствия в системе Ярило вооруженных или иных сил каких-либо цивилизаций. Однако срочно направленные туда автоматические средства, предназначенные для оказания непосредственной помощи резидентуре, в назначенное время не вышли из гиперпространства и бесследно исчезли. Математическая модель ситуации с вероятностью в 98,83 % считает резидентуру погибшей.

***ВНИМАНИЕ! УГРОЗА ВЫСШЕГО УРОВНЯ!** В качестве причины гибели с вероятностью в 99,97 % математический анализ определяет негласное вмешательство цивилизации Сияющих. В связи с этим категорически приказывается:*

С текущей секунды прекратить всякую деятельность в отношении системы Ярило.

Все имеющие отношение к нашей деятельности на целевом объекте информационные массивы, базы данных и архивы уничтожить немедленно вместе с физическими носителями.

Во избежание использования цивилизацией Сияющих недоступных нам технологий извлечения информации также должны быть немедленно уничтожены:

– Все системы сверхдальней связи и наблюдения, осуществлявшие поддержку резидентуры на целевом объекте, включая оборудование, скрытое в глубоком космосе.

– Все корабли и суда, включая вспомогательные и беспилотные, хотя бы единожды привлекавшиеся к проведению тайных операций на объекте.

– Все имеющиеся в наличии образцы генетически модифицированных аборигенов, включая лабораторных, привилегированных и эвакуированных с объекта в порядке поощрения особей.

– Все оборудование соответствующих лабораторий, включая здания и строения вплоть до фундамента либо выполняющих аналогичную функцию космических конструкций.

Все вышеуказанные материальные средства и объекты после уничтожения должны быть в кратчайшие сроки заменены на аналогичные с инсталляцией всех необходимых лог-файлов, свидетельствующих о долголетней эксплуатации данной техники. В связи с этим для замены использовать оборудование, произведенное максимально давно. Экстренный бюджет, предназначенный для проведения вышеуказанного легендирования, только что распределен между счетами соответствующих ведомств.

С целью предотвращения утечки информации в результате воздействия технологий непреодолимой силы, применяемых цивилизацией Сияющих, указанные ниже сотрудники должны быть подвергнуты процедуре нейронной стерилизации...»

Из экстренного оповещения максимальной степени защищенности, перехваченного разведкой цивилизации Сияющих в системе планет Нод и Эдем Галактики Юр.

Двенадцатый день после всемирной катастрофы, Новгородская область, приблизительный район местоположения входа в «Подземстрой-1», 13.00, время московское

Пропитанные радиоактивной пылью полуденные сумерки, непроницаемой толщей улегшиеся на засыпанную грязным снегом пустошь, сокращали обзор до двух десятков метров, из-за чего окружающая местность обманчиво казалась ровной и относительно неопасной. Непрестанно падающие радиоактивные осадки в виде черного от золы и прочих негоревших частиц порошка мало чем напоминали обычный снег, и всякий раз, когда с неба начинал сыпать сплошной поток, свет ходовых прожекторов словно упирался в грязную стену, преграждающую вездеходу путь. Видимость падала еще сильнее, и вездеход сбрасывал скорость до минимальной, стремясь избежать столкновения.

– Ни фиги не видно! – Молодой техник, занявший место за штурвалом вездехода вместо умершего Петровича, обращался к сидящему рядом Порфирьеву, но его голос в ближнем эфире был слышан всем набившимся в кузов людям. – Грязь валит сверху сплошной стеной и сливается с грязью на земле, ни черта не разобрать! Не напороться бы! Может, остановимся и переждем снегопад?

– Хрен его знает, когда он закончится, – негромко прорычал в ответ Порфирьев. – Рискую зря сжечь энергоресурс. Сбрось скорость до минимальной и смотри в оба.

– Не поможет, – вяло возразил молодой техник. – На земле черный снег, с неба идет черный снег, обуглившиеся обломки пней тоже черные... Мы и так плетемся пять километров в час, если сбросить еще, то пешком быстрее будет.

– Пешком ты так быстро тут не побегаешь, – угрюмо прорычал Порфирьев. – Снегопады идут вторую неделю, и ураганные ветра забили этой радиоактивной дрянью любые углубления. Это кажется, что местность вокруг ровная. На самом деле под слоем снега сплошной бурелом, черт ногу сломит. Вспомни, как базу возле бабского бункера разворачивали. Каждый раз по двадцать споткнулся, а ведь там была окраина леса. А тут раньше лес был всюду. Без лыж или снегоступов далеко не уйдешь.

– Я не предлагаю пешком, это я для сравнения, – уточнил техник. – Полчаса кружим в потемках со скоростью пешехода, я только и делаю, что объезжаю огрызки пней, выскакивающих из грязи перед самыми фарами. Ты говорил, что над «Подземстроем» искусственную гору насыпали, как мы его найдем, если при такой видимости даже гору не увидишь?

– Капитан! – в эфир хрипло вышел полковник, вмешиваясь в разговор Владимира и Порфирьева. – Может, действительно переждем час? Отыщи ровное место, где можно безопасно сдуть воздушную подушку и заглушить движок, так сэкономим аккумулятор! Выходить не будем, отсидимся в кузове, на час штатного обогрева снаряжения хватит.

– Надо продолжать искать, – заявил амбал, – до интоксикации осталось четыре с половиной часа. Если видимость не улучшится за это время, то потеряем сутки. Гора должна быть где-то здесь, я, когда в «Подземстрой» ездил, сам координаты входа замерял, из любопытства. Она невысокая совсем, метров тридцать, зато в поперечнике почти километр. Нам главное на нее наткнуться, а там пойдем по периметру в любую сторону и в конце концов ко входу выйдем. Лучше так, чем лишняя интоксикация.

– Согласен, – полковник надрывно закашлялся, после чего с равнодушным видом распахнул лицевой щиток армейского шлема и сплюнул кровавый сгусток на металлический пол. – Занимайся!

Полковник мгновение смотрел на сморщившийся на холоде кровавый плевок, потом растер его ногой, захлопнул шлем и откинулся на спинку лавки, закрывая глаза. Остальные не проронили ни звука, и Антон на несколько секунд отключил микрофоны своего гермошлема, чтобы прочистить горло. С того момента, как Дилару с Давидом и двумя уцелевшими активистками высадили в обнаруженном Порфирьевым частном бункере, свободного пространства в кузове вездехода стало больше, и Овечкину впервые досталось место на лавке. Сидеть на ней было удобней, чем на ящике со спецалаткой, есть на что опереться спиной, и его многострадальный позвоночник перестал затекать. Но вместо этого неудобства на Антона свалилось новое. Ощущение, будто он надышался песком, возникшее после пробития пулей фильтра скафандра, усилилось, и в горле першило все чаще. Время от времени это першение доставало его настолько, что Антону приходилось основательно прочищать горло. Громкое кряхтение и откашливания, сопровождающие этот процесс, быстро вызвали раздражение у полковника, и тот велел Овечкину вырубать микрофоны и на время кашля. Как будто его собственный кашель никого не бесил!

Пришлось молча стерпеть очередное унижение и подчиниться. Сейчас, когда Дилара и Давид в относительной безопасности, не стоит накалять немного разрядившуюся атмосферу. Если в «Подземстрое-1» сохранилось верховенство закона, Антон поднимет тему злодеяний и военных преступлений немедленно, едва представится возможность. И добьется привлечения к ответственности и Порфирьева, и полковника, и вообще всех, кто своими действиями или бездействием способствовал оставлению в опасности Антона и его семьи. В результате чего погибла Амина, едва не был убит Давид, а самого Овечкина фактически лишили гражданских и конституционных прав, регулярно угрожая расправой. Но сначала ему крайне необходимо посетить врача и получить квалифицированную медицинскую помощь. Это усиливающееся першение в горле пугает все сильнее. К счастью, никакой мокроты, тем более кровавой, Антон у себя не обнаружил, наиболее вероятно, что проблема с першением больше психологическая, чем медицинская. В интернете он встречал множество авторитетных статей о том, что люди с

тонкой психологической организацией, такие как Антон, часто заболевают на нервной почве. Сомневаться в этом не приходилось, достаточно вспомнить мать – исполненная трудностями жизнь сделала ее хронически больным человеком.

Поэтому как можно быстрее посетить врача для Антона очень важно. Важнее, чем остальным, потому что они переносят происходящее гораздо легче, ведь им не приходится заботиться о детях и у них нет признаков заболеваний. За исключением отхаркивающегося кровавыми ошметками полковника. Если он не повторит судьбу генерала, Антон готов пропустить его вперед себя, а вообще в «Подземстрое» должно быть несколько врачей и уж точно больше одного биорегенератора, это же специализированное противоатомное убежище, построенное по последнему слову научной мысли. Что-то такое попадалось ему на глаза в интернете на эту тему, но было это давно и вскользь, поэтому в памяти не сохранилось. Антон даже хотел спуститься в тот самодельный бункер вместе с женой и сыном, когда выяснилось, что там имеются медицинские работники. Буквально на несколько минут, чтобы пройти хотя бы поверхностный медосмотр и заодно убедиться, что его семья будет в бункере в безопасности. Но Порфирьев не позволил ему сделать это, заявив, что у них нет на это времени, потому что все, кроме женщин и Давида, примут антирад, их счетчик начнет тикать, и никто не станет терять драгоценные минуты ради соплей Овечкина. И вообще, он провел там сутки и сам все уже проверил. В тот момент Дилара, вместе со всеми слушавшая их переговоры, бросила на Антона полный боли и раздражения взгляд, и ради благополучия жены и ребенка он не стал спорить. Сейчас главное выжить и добраться до «Подземстроя». Когда угроза гибели останется позади, Антон обратится к правосудию и к общественности и призовет к ответу негодяев.

Несколько секунд Овечкин пытался прокашляться, болезненно кривясь от щиплющих ощущений в раздраженном сухим кашлем горле. Наконец, это ему удалось, и Антон, переводя дух, бросил взгляд в иллюминатор. За толстым бронестеклом стояла сплошная взвесь из серо-бурой пыли, не то утопающей в мрачных сумерках, не то топившая их в своем бесконечном чреве. Овечкин скосил глаза на показания дозиметра. Счетчик Гейгера показывал триста рентген в час, и это внутри вездехода, что же тогда за бортом?

– Радиационный фон вырос! – сообщил Антон в эфир, окидывая сидящих вокруг людей тревожным взглядом. – Возможно, мы приближаемся к эпицентру одного из взрывов!

Ему не ответили, и никто не обратил на его слова ни малейшего внимания. Овечкин запоздало понял, что не включил выключенные перед откашливанием микрофоны, и завозился с управлением. Сидящие по обе стороны от него активисты открыли глаза, почувствовав его шевеления, и бросили на Антона вопросительные взгляды. Он включил микрофон, но ответить не успел.

– Фон за бортом опять вырос, – в ближнем эфире зазвучал голос молодого техника. – Две тысячи рентген в час, было же шестьсот. И продолжает расти! Мы случайно к кратеру не приближаемся?

– Может и так, – устало ответил Порфирьев. – Кто его знает? Уткнемся в отвал – схожу посмотрю. Вообще возле кратера фон должен быть гораздо выше, поэтому, если зашкалит, повернем обратно и попытаемся объехать с другой стороны. Нам нужен хоть какой-нибудь ориентир.

В памяти мгновенно всплыла картина изрытого пылающими кратерами пространства на месте секретного подземного города в Раменках, и Антона охватил страх. Если «Подземстрой-1» уничтожен, они обречены на мучительную смерть!

– Какова вероятность, что враги могли сознательно уничтожить «Подземстрой-1»? – срывающимся голосом спросил он, скользя испуганным взглядом по хмурым лицам военных.

– Да хрен его знает, – лениво ответил полковник, открывая наполненные безразличием глаза. – Зависит от того, что у них оставалось после нанесения основных ударов по приоритетным целям. Я б пальнул.

– Но это же гражданский объект! – ужаснулся Овечкин. – Из него никогда не делали секрета, там мог побывать любой желающий и убедиться, что это сугубо мирное убежище!

– Думаешь, что в сугубо мирное убежище не пойдут спасаться сугубо милитаристские подразделения? – к безразличию во взгляде полковника прибавилась насмешливая ирония. – Или высокие моральные принципы не позволят кому-то спрятать в районе гражданского объекта пару мобильных пусковых установок?

– Но это же ставит под удар собственных граждан! – оторопел Антон. – Неужели мы это сделали?

– Официально – нет, – полковник надрывно закашлялся. – Размещение военных объектов в непосредственной близости от объектов Гражданской Обороны не приветствуется. Но на что пойдет расчет какого-нибудь мобильного пускового комплекса, чтобы выжить, когда на него отовсюду сыплются ядерные заряды, я не знаю. – Он меланхолично пожал плечами. – Кто-нибудь мог попытаться таким способом выйти из зоны поражения и избежать смерти. А потом отстреляться по противнику. Кроме того, наши заокеанские партнеры регулярно пользуются старым и нехитрым приемом. У них на каждой войне рядом с хотя бы одной военной базой обязательно отыщется какой-нибудь лагерь беженцев. Не в качестве живого щита, конечно, нет, упаси Господи, просто так случайно получилось, людишки как-то сами собой набежали. Ты же не думаешь, что с такими собственными методиками они будут свято верить в нашу непогрешимость?

Полковник вновь зашелся в кашле, открыл шлем и сплюнул на ледяной пол очередной кровавый сгусток. Он захлопнул шлем, и Антон подавленно выдавил, вспоминая придуманный Порфирьевым полузатопленный бункер, якобы располагавшийся в трех километрах от погибших Раменок:

– То есть... у нас нет шансов? Мы ищем ради поисков? Чтобы не терять надежду?

– Ну почему же, – полковник закрыл глаза и снова принял полулежачее положение. – Мы рассчитываем на то, о чем ты сказал. Что все желающие направили своих шпионов в «Подземстрой-1» еще на стадии строительства и убедились, что ничего стратегического и вообще военного там нет. Поэтому «Подземстрой» обстреляют по стандартной схеме, воздушными ядерными боеприпасами, и не станут тратить на него глубинные. В крайнем случае, ударят контактным по горе. Но это уже очень плохо, потому что запросто может вызвать обрушение входа, и тогда без тяжелой техники внутрь не попасть. Короче: доберемся – увидим. Не паникуй раньше времени, инженер.

Он замолчал, и Антон вновь сверился с дозиметром. Фон продолжал расти, что неоспоримо свидетельствовало о приближении к эпицентру термоядерного взрыва. Вопрос в том, надземный это был взрыв или подземный... И сколько времени они смогут потратить на поиски при такой радиации? А если она убьет их прежде, чем они смогут вернуться в тот самодельный бункер? Ведь действие антирада не проходит бесследно. С каждой интоксикацией организм изнашивается все сильнее. Им всем давно требуется профессиональная медицинская помощь, особенно Антону и его семье!

Мысли Овечкина вновь закружились вокруг состояния здоровья своего, жены и сына, и следующие двадцать минут он молча истерил на эту тему, мысленно предъявляя претензии то Порфирьеву, то полковнику, то умершему генералу. Каждый из них сделал неправильно все или почти все, а ведь от этого зависело выживание Антона и его семьи, но самое страшное в том, что он все еще продолжал зависеть от психопатов в военной форме. Неадекватность Порфирьева никогда не вызывала у Овечкина сомнений, а полковник сам только что с ледяным равнодушием палача заявил, что нанес бы удар по сугубо гражданскому бункеру. И кто сказал, что он не сделал чего-то подобного? Он же из подземного города в Раменках, значит, откуда-то из высших эшелонов армейского командования, то есть вполне мог руководить боевыми действиями! И стрелять по гражданским объектам врага вместо военных! Не исключено, что

именно потому наша страна получила такие чудовищные разрушения! Вместо борьбы с настоящими противниками такие вот психопаты в погонах запускали ядерные ракеты по мирным целям!

– Ветер стих, – голос Владимира прервал его молчаливую истерику. – Видимость увеличивается, можно поднять скорость. Едем прежним курсом?

– Закладывай дугу справа налево, – откликнулся Порфирьев. – Попробуем сделать круг диаметром в километр, пока снега нет. Если успеем вернуться на свои следы, у нас будет гарантированно обследованная точка на местности. От нее будем отталкиваться дальше.

Винты вездехода взвыли сильнее, и машина заложила долгий вираж. Несколько минут Овечкин смотрел на проплывающие мимо обугленные обломки деревьев, торчащие из-под черного снега, словно кривые заскорузлые огрызки. Если здесь и вправду был лес, то его или выкорчевало полностью, или переломало под корень. Остались лишь разможенные остатки самых толстых деревьев, выпирающие из снега от силы на метр. Все остальное превратилось в пепел, горелую труху и обугленные фрагменты непонятно чего, беспорядочно захлаившие земную поверхность, но невидимые под полуметровым слоем снега. Идти здесь пешком еще опаснее, чем по руинам Москвы. Там слежавшиеся обломки хотя бы состоят из бетона и металлов, они более-менее плотно сцеплены друг с другом. А тут изломанные прогоревшие деревяшки, которые могут в любую секунду надломиться под тяжестью человеческого тела. Он вспомнил, как угодил ногой в подобную расселину, когда заблудился в Раменках и вывихнул ногу. Порфирьев вправил вывих, но нога до сих пор ныла и начинала болеть от долгой ходьбы. Наверняка неуравновешенный мизантроп специально сделал вправление нарочито грубо, чтобы таким образом навредить Антону...

– Впереди что-то есть! – прозвучал в эфире рык Порфирьева. – Местность начинает повышаться. Володя, давай туда, только аккуратно. Надо понять, гора это или отвал кратера.

Все разом просунулись и прильнули к иллюминаторам, стремясь разглядеть приближающуюся прямо по курсу черную муть, темнеющую в серой пылевой взвеси.

– Три тысячи рентген в час, – с нескрываемым страхом произнес молодой техник, переводя взгляд с приборной панели на дорогу и обратно. – Три триста! Три четыреста пятьдесят! Три семьсот! Четыре тысячи!

– Назад! – велел Порфирьев. – Уходи на передел видимости, пойдем вдоль горы.

– Это гора? – Овечкин почувствовал, что от страха и напряжения у него взмокли ладони. – С таким радиационным фоном?!

– Обломки пней из-под снега торчат, – ответил Порфирьев. – Не похоже на отвал...

– Контактным по вершине ударили, – заявил полковник. – Там, наверху, эпицентр, но высота небольшая, поэтому тут фон растет. Раньше в этой местности серьезных высот не было. Гору насыпали над «Подземстроем», так что другой такой здесь быть не может. Похоже, ты все-таки нашел ее, капитан. – Он попытался сдержать кашель и натужно продолжил: – Честно – думал, что не найдем. Ошибемся на десяток километров, проедем мимо, да так и подохнем в поисках. Давай, капитан, дело за малым! – Полковник тяжело закашлялся и просипел сквозь надрывный хрип: – Осталось найти вход... если он есть.

Минут тридцать вездеход полз вдоль подножия теряющейся в океане пыли горы, и в эфире звучало только рычание Порфирьева, корректирующего курс. Машина, вынужденная объезжать торчащие из-под черного снега оплавленные валуны и обугленные обломки пней, постоянно сбивалась с пути, то слишком близко прижимаясь к опасной зоне, то чрезмерно удаляясь от подножия в противоположную сторону. Хлама вокруг стало в разы больше, потом, как всегда внезапно, налетел ветер, и скорость упала до пешеходной. В завьюженные черным месивом иллюминаторы стало не разглядеть ничего, люди молча сидели на скамьях, и в кузове висела почти осязаемая напряженность.

– Стой!!! – рывканье Порфирьева сменилось резким торможением. – Обрыв!!!

Вездеход встал как вкопанный, и инерция швырнула сидящих в кузове друг на друга. В силу малой скорости и большой тесноты всем удалось удержаться на своих местах, но сдавленные соседями Овечкин и полковник одновременно зашлись в кашле.

– Что случилось? – Антон услышал в эфире голос лейтенанта. – Мы наткнулись на кратер?

– Не похоже, – с сомнением откликнулся Порфирьев. – Тут фон меньше, чем раньше. Но обрыв почти вертикальный, чуть не рухнули куда-то вниз. Не видно ни хрена, надо ждать, пока ветер стихнет. Пока останемся прямо здесь.

Овечкин попытался разглядеть в иллюминатор преградивший путь обрыв, но за бронестеклом кипел сплошной хаос из грязного снега вперемешку с мелким грунтом. Вскоре ветер резко усилился, и замерший на воздушной подушке вездеход стало сдувать с места, медленно отодвигая назад. Несколько раз молодому технику приходилось приводить машину в движение и возвращаться к краю обрыва, и Антон искренне надеялся, что там, в кабине вездехода, обзор лучше, чем в кузове, и они не рухнут с обрыва из-за ошибки водителя. Потом штормовой ветер прекратился, как всегда внезапно, и некоторое время все ждали, когда осядет поднятое в воздух снежно-земляное грязное месиво.

– Давай вдоль кромки, осторожно, – в телефонах гермошлема зазвучало рычание Порфирьева, и вездеход медленно заложил поворот на девяносто градусов.

Грязно-снежный хаос в иллюминаторах сменился утопающей в сумерках мутной пылевой завесой, сохранявшей видимость на все те же метров двадцать, и Антон понял, что лучше уже не станет. Машина пошла немного быстрее, сидящие в кузове люди прильнули к иллюминаторам, и он напряг зрение. Они действительно нашли какую-то гору и находились сейчас где-то на поверхности ее пологого склона. Из-за ограниченной видимости саму гору было не разглядеть, она терялась в океане пыли и угадывалась по бесконечной черной тени в иллюминаторе задней двери. Похоже, склон из пологого становился крутым где-то совсем недалеко. Хорошо хоть не врезались. Наверняка вездеход был оборудован приборами для вождения в сложных метеоусловиях, раз это армейская техника, но если они едва не упали в пропасть, значит, в условиях сильной ионизации воздуха приборы работали плохо или не работали вообще.

Теперь, когда машина шла вдоль обрыва, его кромку было видно достаточно хорошо. Засыпанная черным снегом поверхность резко обрывалась вниз, на пятиметровую глубину, напоминая стену каньона. Каньон был узкий, не шире пяти метров, сильные ветра отутюжили его дно до гладкого состояния, и понять, что там, под слоем перемешанного с золой снега, было невозможно.

– Это гора треснула от ядерного взрыва? – тихо спросил кто-то из активистов, судя по голосу, бывший спортсмен, армянин. – Склоны отвесные и уходят куда-то далеко. Наверное, пополам гору развалило!

– Разлом искусственный, – ответил молодой техник. – На противоположном склоне видны следы работы грейдера. Наверное, он глубокий, раз до сих пор грунтом не занесло.

– Его выкопали недавно, – прорычал в эфире Порфирьев. – Поэтому не занесло. Но все равно засыплет с такими ветрами... – Он на секунду умолк и задумчиво продолжил: – У тех, кто опередил нас на складах Росрезерва, был грейдер. Возможно, это они и есть. Нужно найти начало этого каньона. Наверняка они пытались прорыться ко входу в «Подземстрой».

– Если им это удалось, то мы найдем вход в конце каньона, – хрипло просипел полковник. – Капитан! Съезжайте на дно и двигайтесь по каньону до упора! С тех пор наверняка прошло несколько суток, вход занесло ураганами, придется откапывать! Сколько у нас энергии? Хватит запитать землеройку?

– Полтора аккумулятора у нас, – ответил за Порфирьева молодой техник. – Только землеройки нет. В штатном контейнере вездехода пусто, наверное, они же ее и забрали. Есть пара лопат, лом, багор и лебедка.

– И отбойный молоток, – напомнил пожарный, указывая на лежащий под сиденьем инструмент, – с полным аккумулятором. Как-нибудь прокопаемся, вряд ли вход засыпало больше чем на два метра. Хватило бы времени. У меня двести восемь минут до интоксикации осталось.

– Вон въезд, – негромко произнес Порфирьев водителю. – Съезжай осторожнее, хрен его знает, какая там глубина и что под снегом.

Вездеход спустился со склона и заложил вираж, оказываясь перед входом в каньон. Машина осторожно втянулась внутрь, и стало хорошо заметно, что за прошедшее со времени раскопок время глубина каньона явно уменьшилась. Черные сугробы у подножия стен были почти на метр выше уровня дна посреди каньона, что свидетельствовало о том, что под воздействием ураганов его действительно засыпает грунтом.

– Где они оставили свою технику? – подал голос лейтенант. – Все уместилось в ангарах бункера?

– Вообще у «Подземстроя» был здоровенный паркинг, – ответил Порфирьев. – Под горой, рядом со входом. Думаю, что туда влезет даже грейдер, только если вход пришлось откапывать, то паркинг тоже должно было засыпать обрушением.

– Доедем – увидим! – просипел полковник. – Давайте быстрее, пока штиль!

Молодой техник увеличил скорость, и завывание лопастей усилилось. Вокруг сильно потемнело, и поднятая вездеходом грязная пыль вновь закрыла иллюминаторы. Машина прошла с полсотни метров и остановилась.

– Что там? – полковник подался к перегородке, отделяющей кузов от кабины. – Нашли вход?

– Тупик, – констатировал водитель. – Каньон заканчивается.

– Может, вход под нами? – с надеждой предположил Овечкин. – Его занесло грунтом и снегом!

– Угу, – промычал Порфирьев. – Вместе с грейдером и всеми остальными. Надо возвращаться. Должен быть другой путь.

– Ты уверен, капитан? – полковник подавил кашель. – Может, инженер прав?

– Если они ушли вниз, то под нами должна быть шахта лифта и что-то вроде люковых ворот горизонтального типа над ней, – ответил амбал. – Я такого в «Подземстрое» не видел, там вход был вертикальным, но даже если так, то куда делась техника?

– Они забрали ее с собой, нет? – фыркнул Овечкин.

– И грейдер тоже? – в рычании Порфирьева слышалась усталость. – Зачем он им под землей? Ураганы засыплют каньон доверху так или иначе, они это прекрасно понимают. Грейдер имеет смысл оставить снаружи, и не просто бросить, а хоть как-то законсервировать. Снять аккумуляторы, накрыть чем-нибудь, а еще лучше – собрать вокруг него ангар прямо рядом с выходом. Хотя бы элементарный.

– Может, у них не было на это времени! – возразил Антон. – Людям могла срочно потребоваться медицинская помощь! Может, они сделают это позже!

– Возвращайтесь! – полковник проигнорировал Овечкина, словно того не существовало. – Продолжайте искать!

– Я тут не развернусь, – настороженно заявил молодой техник. – Места слишком мало, я такие вездеходы раньше не водил... И задом сдавать... я не уверен...

– Меняемся местами! – прорычал Порфирьев. – Я поведу!

Амбал распахнул дверь, но вместо прыжка в снег ловко вскарабкался на крышу кабины и в два шага оказался над водительской дверью. Молодой техник таким пируэтам обучен не был и просто выпрыгнул из кабины, намереваясь оббежать вездеход по кругу. Обманчиво прочная на вид толща из землистого снега и золы провалилась под его ногами, и Владимир по колено зарылся в радиоактивную труху. Он с трудом побрел в обход машины, пытаясь шагать по глу-

бокому снегу, но на половине пути споткнулся обо что-то невидимое и упал. Что-то помешало ему подняться сразу, и молодой техник завозился в грязном снегу, бормоча тихие ругательства.

– Что там у тебя? – Порфирьев влез в кабину прямо с крыши и теперь выглядывал из водительской двери. – Володя?

– Тут что-то есть! – недовольно ответил молодой техник, пытаясь подняться. – Под снегом! Обломок дерева, что ли... Нога застряла! Гребанные обломки...

Наконец ему удалось нащупать твердую опору, и молодой техник рывком освободил ногу. Вместе с ногой из-под черного снега вылезло что-то еще, и он пригляделся к неожиданной находке.

– Лыжа! – заявил Владимир. – Обломок короткий, но с креплениями! Тут что-то еще...

Техник выдернул обломок лыжи, отбросил его в сторону и принялся копать в черном снегу.

– Твою мать!!! – он резко отпрянул. – Труп!!! Олег, тут мертвец!

– Оружие есть? – Порфирьев выпрыгнул из кабины и направился к молодому технику.

Фотохромный комбинезон спецназовца слился с грязно-землистым снегом, и силуэт амбала растворился в сумерках. Лишь пятно нарукавного фонаря выдавало его местоположение.

– Нет вроде... – Молодой техник нерешительно ощупывал ногой пространство возле трупа.

Порфирьев добрался до мертвеца и принялся быстрыми движениями откапывать тело. Он обыскал закоченевшее тело, подобрал лыжную палку и пошарил ею вокруг, словно щупом.

– Вот его рюкзак, – амбал выдернул из-под снега полупустой рюкзак и бросил его технику. – Забери, посмотрим, что там. Лыжи порублены, костер он, что ли, пытался из них сложить... А вот и топор. – Порфирьев отыскал в черной снежной грязи туристический топорик и тоже сунул его Владимиру: – И лыжные палки забери. Вдруг пригодятся. Все, пошли в кабину, время идет!

– Что за труп, капитан? – хрипло вышел в эфир полковник. – Кто-то из тех, которые с грейдером?

– Нет. – Порфирьев влез на водительское сиденье, и его стало лучше видно. – Они опережают нас где-то на неделю. Когда они уходили из Росрезерва, такого снега еще не было. А этот на лыжах шел. Он тоже «Подземстрой» искал. Видать, наткнулся на этот отрытый каньон, как мы, и решил, что это вход. Добрался до тупика, дальше сил не хватило. Пытался разжечь костер, но умер раньше.

– Замерз? – равнодушно уточнил полковник.

– Думаю, от облучения, – ответил амбал. – У него глаза открыты, оба белка в язвах и на лице нарывы. Гражданский он, без антирада шел.

Вместо ответа полковник снова зашелся в надрывном кашле, и Антон подавил желание прочистить горло. Першит все сильнее, но это не значит, что у него такие же проблемы, как у полковника! Он надышался техническим порошком из пробитого фильтра, порошок безвреден, об этом генерал говорил, так что это скоро пройдет! Он не обречен, нет! Не нужно паниковать!

Вездеход взревел двигателями и резко повернулся на месте, выполняя разворот на сто восемьдесят градусов. Овечкин опасно сжался, ожидая удара, но машина закончила маневр на узком пятачке, не задев нависающих стен. Вездеход помчался обратно и вскоре выскочил из каньона на открытое пространство. Вокруг заметно посветлело, и Антон посмотрел в иллюминатор, пытаясь увидеть в бескрайней пылевой взвеси хоть что-нибудь кроме оплавленных валунов и обугленных обломков пней. Порфирьев сбавил скорость и повел машину вдоль подножия горы, петляя между полужасыпанными радиоактивным снегом препятствиями. Минут

десять ничего не менялось, включая смертельно опасный уровень радиоактивного излучения, потом вездеход резко остановился.

– Что у тебя, капитан? – Полковник бросил взгляд в иллюминатор, но ничего не увидел и подался к окошку в перегородке между кузовом и кабиной.

– Вижу грузовики. – Порфирьев внимательно вглядывался в пылевую взвесь. – Там стоит техника.

Антон пытался проследить его взгляд, но смог заметить лишь невнятные темные пятна, угадывающиеся в океане пыли.

– Военная? – напрягся полковник.

– Та, что я вижу, нет. Судя по силуэтам. А что там дальше, не знаю. Лучше пока оставаться тут, я схожу, гляну, что там. Не хватало еще, чтобы нас и здесь перепутали с противником и долбанули из чего-нибудь тяжелого.

– Ты там повнимательнее, – просипел полковник. – Владимир, садись за штурвал! Если силуэты начнут двигаться, сразу уводи нас поглубже в пыль!

Порфирьев покинул кабину, растворяясь в пылевом океане, и в памяти Овечкина мгновенно вспыхнули кроваво-красные лазерные лучи системы наведения вражеского робота-убийцы. Он чуть не погиб из-за того, что военные приняли его фальшфейер за отсвет глаз боевого механизма врагов! Антон почувствовал страх. Роботы-убийцы едва не обнаружили их вездеход на окраине Нижнего Новгорода, а вдруг они добрались сюда?! Мы ускользнули от них там, на замерзшей реке, но что, если они все-таки нашли наши следы?! Роботы не страдают от интоксикации, им не требуется пережидать сутки между циклами антирада, они могли опередить нас, если им известны координаты «Подземстроя-1», а они всегда были в открытом доступе!

Осознание смертельной опасности, поджидающей его где-то совсем рядом, в глубине океана пыли, вызвало приток адреналина, и Овечкин почувствовал, как внутри перчаток скафандра дрожат пальцы. Он убедился, что сидящие в кузове люди смотрят во все иллюминаторы, и роботы-убийцы не смогут подойти к вездеходу незамеченными, но легче от этого не стало. Кто знает, сколько их там?! Вдруг роботы окружают их со всех сторон, как тогда, на берегу?!

– Господин полковник, – Антон попытался скрыть страх и говорить спокойно. – Вражеские роботы могли добраться сюда раньше нас?

– «Товарищ полковник», – вяло поправил тот и закашлялся. – Теоретически – да. Их вообще могли высадить здесь сразу после ядерной атаки. Практически – вряд ли. Чтобы высаживать роботов на каждом углу, их должно быть огромное количество. Такое наша разведка точно не прошлапила бы. Скорее всего, роботов у противника было немного, это суперсекретные разработки, они не могут быть массовыми по определению. Они шли за кем-то из Москвы до окраины Нижнего, но раз там потеряли цель, то выйти сюда уже не должны. Иначе давно были бы здесь, а не бродили по берегу. И раз мы сутки провели в палатке возле семейного бункера и остались живы, значит, нас они тоже не засекли. В общем, скоро узнаем, как только ваш капитан вернется.

Овечкин хотел было заявить, что Порфирьев уж точно не его капитан, но не стал. Это же военные, какая разница, кто из них откуда, принципиально они все заодно, особенно когда надо притеснять гражданских. Лучше не усугублять.

Порфирьев вернулся через двадцать минут. Заметить его приближение никто не смог, и все, кто увидел внезапно распахивающуюся пассажирскую дверь кабины, вздрогнули от напряжения и неожиданности. Кто-то из солдат даже схватился за оружие, но в тесноте заполненного людьми кузова толком не успел ничего сделать.

– Тут везде пусто. – Капитан захлопнул дверь и обернулся к окошку во внутренней перегородке. – Я нашел два крытых грузовика, самосвал, трактор с ковшом, тягач с грузоподъемной

стрелой, промышленную землеройную установку и медицинский грузопассажирский вездеход. Стандартная техника МЧС, с эмблемами Росрезерва, на электрическом ходу. И две дизельные БМП старого образца. Со всех машин сняты аккумуляторы и боезапас, топливо слито, медицинский вездеход вычищен подчистую, даже носилок нет. Технику составили аккуратно, но ее сильно занесло грунтом, значит, стоит уже несколько суток. Грейдер я не видел, но там, дальше, начинается еще один отрытый каньон. Думаю, он ведет к входу в «Подземстрой». Надо ехать туда, пешком слишком трудно, снег глубокий, под ним много обломков, без лыж только ноги ломать. И непонятно, сколько придется идти, если начнется ураган, то еще и видимость упадет полностью.

– Раз у них было дизтопливо, – полковник сипло захрипел, но удержался от кашля, – то сами они вышли из какого-либо стратегического объекта. Дизтопливо оставалось только там, для обеспечения автономного питания. Значит, их бункер уничтожило не полностью, кто-то выжил и даже смог подняться на поверхность. Я знаю всех офицеров, командующих стратегическими объектами, от которых реально добраться до наших складов Росрезерва. Так что проблем не будет. Найди вход в «Подземстрой», дальше я сам все решу.

Вездеход тронулся, и среди сидящих в кузове людей возникло радостное оживление. Обреченные на смерть почувствовали, что спасение близко, и на лицах впервые за много дней появились улыбки. Антон подумал, что раз военных из стратегического объекта запустили в «Подземстрой», то никаких проблем с выживанием там нет, и их самих тоже запустят с легкостью. Ничего решать по военной линии не потребуется, потому что обитатели «Подземстроя» руководствуются элементарными нормами морали, гуманизма и милосердия. При чем тут офицеры, командовавшие стратегическими объектами, непонятно. Тем более что «Подземстрой» – абсолютно гражданский объект, и управляют им гражданские менеджеры, которым количество звезд на армейских погонах безразлично, как и самому Овечкину. Но излагать это дуболомам в военной форме Антон не стал, зачем портить поднявшееся настроение и конфликтовать с полуживым полковником и всей его тусой. Тем более что скоро они сами во всем убедятся.

Машина проползла вдоль выстроенной в ряд техники, и Овечкин посмотрел в иллюминатор. Технику действительно сильно занесло перемешанным с грязью черным снегом, грузовики утопали в нем до бамперов, а более приземистая военная техника оказалась засыпана едва ли не наполовину. Раз поблизости не видно отвалов грунта, который вынимали, когда рыли каньон ко входу в бункер, то логично предположить, что эти отвалы раздуло ураганами. Вот почему технику так сильно засыпало всего за неделю. Но это значит, что сам каньон тоже могло засыпать достаточно обильно, и Антон забеспокоился, хватит ли им времени, чтобы откопать вход. До интоксикации осталось менее трех часов, а у них нет механических средств для рытья, только лопаты. Впрочем, он готов рыть руками, лишь бы добраться до спасительного бункера. Ему срочно требуется медицинская помощь, а после этого он получит в «Подземстрое» высококачественное противорадиационное снаряжение и вернется за своей семьей!

– Вон там, бери левее, – тихий рык Порфирьева в ближнем эфире указывал водителю путь.

– Где... а, вижу! – откликнулся молодой техник, и вездеход заложил поворот. – В этой пылище ни фи́га не видно, чуть мимо не проехал... Как ты тут ориентируешься?!

– Опыт, – пожал плечами амбал. – Когда идет бой в городе, такой, что аж дома складываются, вокруг бывает вообще сплошная стена из пыли, даже приборы ни хрена не пробивают. Покруче, чем сейчас. Но работать как-то надо. Приноровился за пять лет. Сбрасывай скорость, я дальше этого места не заходил.

Вездеход вполз в искусственный каньон и пошел медленнее. Стены каньона быстро шли вверх, вокруг сильно стемнело, и свет обоих ходовых прожекторов растворялся в пыльном мраке в двух десятках метров от машины. Антон пытался смотреть через окно в перегородке между кузовом и кабиной, но там уселся полковник и закрыл собой обзор почти полностью.

Пришлось глядеть в боковые иллюминаторы, за которыми тянулась покрытая грязным снегом неровная поверхность стен. Кажется, этот каньон был даже уже предыдущего, видимо, его рыли в большей спешке, скорее всего, у людей заканчивался цикл антирада. Вблизи хорошо заметны следы работы землеройной техники на поверхности стен и неоднородная структура самого грунта. Каньон был прорыт не через гору, а через какое-то месиво из грунта, смешанного с оплавленными и расколотыми валунами, камнями разного размера и обилием обугленных древесных обломков. За прошедшие дни щели и трещины в стенах плотно забило крошечным из золы, снега и мелкого грунта, но разглядеть неоднородность завала, через который прорыли каньон, было еще можно.

– Там что-то есть! – заявил в эфире молодой техник, и все, не сговариваясь, потянулись к окну в перегородке. – Путь перекрыт!

Он сбросил скорость до минимума, и вездеход, завывая пропеллерами, подполз ближе.

– Вот и грейдер, – констатировал Владимир, разглядывая мощную стальную машину, выхваченную из пыльного полумрака светом ходовых прожекторов. – Им заткнули проезд как пробкой... Я таких раньше не видел...

– Это ИМР. – Капитан взглянул в засыпанный толстым слоем зольного снега стальной корпус с уложенными на крышу в походное положение телескопической стрелой и ковшом. – Инженерная Машина Разграничения. Служит для разминирования, прокладки колонных путей, проделывания проходов в завалах... Может перевозить десант, имеет бронирование, защиту от радиации и систему фильтрации воздуха. Ею они и раскопали вход в Росрезерв.

– Там, перед ней, в снегу, лежит что-то... – молодой техник вытянул шею, глядя в торчащие из грязного снежного месива неясные очертания.

– Трупы. – Порфирьев потянулся за карабином. – Останавливайся, я пойду посмотрю.

Капитан покинул кабину, и Антон попытался наблюдать за его действиями через плечо полковника. Смотреть в окно кабинной перегородки на происходящее за лобовым стеклом было очень неудобно, полковника потряхивало от удушливого кашля, из-за чего он перекрывал обзор почти целиком. Но на этот раз вездеход остановился почти вплотную к препятствию, и в залитой светом ходовых прожекторов пыльной взвеси можно было разглядеть расплывчатый силуэт Порфирьева. Амбал несколько минут копался в грязном снегу, откапывая и осматривая заледеневшие трупы, потом влез в кабину путеукладчика, но пробыл там совсем недолго, после чего направился вглубь рукотворного каньона и исчез в крошечной пыли. Вернулся он быстро, не прошло и пяти минут. Его сливающийся с окружающей грязью силуэт мелькнул в свете прожекторов, и дверь в кабину распахнулась.

– Нашел вход? – полковник встретил его вопросом.

– Нашел. – Порфирьев вместо того чтобы вызвать всех наружу, забрался внутрь вездехода и захлопнул за собой дверь. – Противовзрывная плита ворот сразу за путеукладчиком, в десяти шагах. Это точно он. Я эту плиту видел, когда в «Подземстрой» приезжал. Ворота тогда специально держали закрытыми и открывали перед каждым посетителем. Чтобы произвести впечатление, видимо. Сейчас плиту засыпало метра на полтора. Похоже, грунт к ней примерз, так она может и не открыться. Но там примерно половина – это снег вперемешку с грязью, откапываем быстро. А вот дальше все может пойти по-разному.

– Трупы умерли не своей смертью? – полковник уловил смысл раньше Овечкина.

– Пулевые ранения, – хмуро подтвердил Порфирьев. – Следов радиационного поражения нет. Их там, под снегом, больше двух десятков, много женских. Почти все в офисных костюмах, какие-то вроде даже в недешевых. Все без верхней одежды. Их убили в чистом месте, скорее всего, там, в бункере. Потом тела вышвырнули на поверхность. Далеко нести не стали, вытащили за путеукладчик и побросали. Может, торопились, а может, не хотели возиться. Потому что на путеукладчик времени потратили больше: аккумулятор снят, топливо и жид-

кости слиты. Он дизельный, тоже старого образца и армейской расцветки. Похоже, взят из консервации в какой-то воинской части.

– Трупы гражданских менеджеров возле входа в бункер, – полковник скривился, но сумел подавить судорожный кашель. – Вряд ли в «Подземстрое» произошел вооруженный переворот. Значит, бункер захватили те, кто откопал вход.

– Но зачем?! – ужаснулся Антон. – Ведь их жепустили внутрь! Зачем они это сделали?!

– Я откуда знаю? – Полковник бросил на него брезгливый взгляд. – Может, характерами не сошлись. Есть только один способ выяснить. Там есть наружное наблюдение? Средства связи?

– Штатные системы наблюдения снесло вместе с защитными кожухами, когда вход засыпало, – ответил Порфирьев. – Раньше это были здоровенные ворота в бетонной толще, над которой насыпали искусственную гору. Теперь тут все завалено так, что нашим предшественникам пришлось целый каньон отрыть, чтобы добраться до входной плиты. Раньше возле нее был внешний пропускной пункт, но сейчас нет ничего. Полузасыпанная вертикальная стальная плита в конце каньона и все. Долбиться в нее бесполезно, там шлюз, за которым лифтовая шахта вниз. Сам бункер на километровой глубине, оттуда никто не услышит. Надо покричать в эфире на аварийных частотах, у них же есть радиосвязь, должны услышать.

Полковник перевел взгляд на Овечкина:

– Если внешнее оборудование уничтожено, наружных антенн у них больше нет. Насколько реально, что они нас услышат с такой глубины?

– Сложно сказать, – Антону мгновенно стало страшно. Они добрались до убежища, но могут не попасть внутрь! Такое уже было в Москве! Он изо всех сил постарался не паниковать и торопливо заявил: – Бункер строился как полностью изолированный объект, значит, внешние системы связи связывались с внутренними по беспроводным каналам. Там, за шлюзом, должно быть установлено приемо-передающее оборудование. Пострадать оно было не должно. Нас должны услышать!

– Ближний эфир они точно слышат, – задумчиво прорычал Порфирьев. – По крайней мере, до захвата точно слышали.

– С чего ты взял? – Полковник натужно прочистил горло и распахнул шлем. – Потому что есть... – он сплюнул кровью и захлопнул лицевой щиток, – первый каньон?

– Его рыли в неправильном месте, – подтвердил капитан. – У них стопроцентно с самого начала были точные координаты входа, но копали они наугад, ориентируясь приблизительно. Думаю, из-за погрешности в привязке карты к местности. У них ведь тоже навигация не работает. Они выбрались из своего командного пункта, спутников нет, компас бесполезен, навигаторы – мусор. Пришлось привязывать карту к местности вручную, как нам. На глаз в такой каше без ошибок не привяжешься. На расстоянии в четыре с лишним сотни километров отклонение получится значительным. Мы почти час петляли, пока на гору натолкнулись. Они тоже не сразу вышли в нужную точку. И рыть начали с ошибкой. Наверняка все это время выходили в эфир. В какой-то момент их услышали и ответили. Они запеленговали сигнал, поняли, что роют не там, где надо, бросили первый каньон и переместились сюда. Значит, с этого места радиосвязь точно должна цеплять. Если ее не отключили после захвата.

– Вряд ли, – полковник снова скривился. – Зачем оставлять себя без ушей, когда вход в бункер демаскирован? Добрались одни – смогут добраться и другие. Сюрпризы никому не нужны. Капитан, бери людей и откапывай ворота. Я буду работать в эфире. Сколько времени нужно на раскопки?

– У нас только две лопаты, а снег снаружи вперемешку с грунтом. – Порфирьев искал глазами пожарного. – Отбойный молоток есть. За час справимся. Может, раньше, если ураган не начнется. Но если не попадем внутрь до интоксикации, то придется выбираться из каньона. Он слишком узкий, базу здесь не развернуть.

– Откапывай вход, – решил полковник. – У нас есть два часа сорок три минуты. Если все затянется, то за час до интоксикации отойдем подальше и там развернемся. Вопросы?

– Вопросов нет, – ответил капитан. – Но, если ворота начнут открываться, в этот момент всем лучше находиться за путепрокладчиком. Пули его не пробьют. А там – как повезет.

Все кроме полковника полезли наружу, и Антон невольно вздрогнул, глядя, как цифры на дисплее счетчика Гейгера подпрыгивают до значения «999» и застывают на нем, словно нарисованные. Эпицентр ядерного взрыва находится в угрожающей близости, здесь смертельная радиация, если застрять тут надолго, то никакой антирад не поможет. Он вспомнил вереницу безжизненных тел, так и не поднявшихся на ноги после штормового ветра там, в Москве, в завьюженных грязным ядовитым снегом Раменках, и поспешил за остальными. Ему необходимо попасть в «Подземстрой», они должны его впустить! Должны!

Протиснуться между стеной каньона и путепрокладчиком оказалось труднее, чем на первый взгляд. Грунт под толщей грязного снега смерзся в покатуую поверхность, и Антон несколько раз упал, поскользнувшись. Пришлось помогать себе руками, чтобы выбраться из черного месива. Показания термометра упали до минус двадцати трех, индикатор системы обогрева горел постоянно, и пиктограмма заряда аккумулятора демонстрировала треть емкости. Энергии все меньше, количество перенесенных интоксикаций все больше, першение в горле усиливается с каждым часом, а утолять голод и жажду приходится пропитанной химией водой и консервами, извлеченными из радиоактивной упаковки. Если потребуются, он откопает этот гребаный вход руками, лишь бы его пустили внутрь! Даже если «Подземстрой» захвачен какими-то спятившими вояками – плевать! Он вытерпит, главное – выжить!

Вход в бункер выглядел удручающе. Заполненный пылевой взвесью сумрачный каньон упирался в грязную стальную стену, ровную, без каких-либо кнопок, видеокамер и прочих устройств связи. Металлическая толща, выпирающая из доходящего до колен черного снега, и ничего больше. Собравшиеся перед глухой стеной люди молча смотрели на непреодолимую преграду, шаря по исцарапанной поверхности лучами нашлемных фонарей, но, кроме стали, не находили ничего. Если бы не техника, брошенная у входа в каньон, и стоящий за спиной путепрокладчик, Антон бы подумал, что они действительно стоят перед стеной, и никаких ворот тут нет. У кого-то из активистов возникли такие же мысли, и он тихо поделился ими с остальными. В ответ лейтенант сообщил, что они точно нашли вход, сомнений быть не может.

– Это противовзрывная плита. – Лейтенант попытался расчистить автоматным прикладом небольшой участок поверхности на стыке стального листа и земляной толщи, но смерзшийся грунт оказался слишком твердым, и ему удалось лишь отколоть небольшой кусок. – Сами ворота находятся за ней. Если внешнюю конструкцию деформирует взрывом или тектоническим смещением, то плиту можно вытянуть внутрь, зато ворота уцелеют, герметичность не нарушится. Раз плита на месте, значит, деформации не было. То есть сам бункер точно не разрушен. Его только завалило сильно, сами по себе ворота шире, чем тут раскопано.

– Здесь раньше было открытое место, – подтвердил Порфирьев. – Эта плита выходила во внешнее пространство: огороженная территория, подъездные пути, КПП, автобусная остановка, разгрузочный ангар для грузовиков с товарами. Теперь здесь слой грунта в пять метров. Тех, кто откапывал вход, навели на цель очень точно. Без помощи изнутри они не смогли бы безошибочно прокопаться к воротам. В первый раз у них не получилось, потому что на тот момент им еще не удалось установить связь с бункером. Потом связь появилась, и их сориентировали правильно. Значит, нас тоже должны услышать.

– «Подземстрой»! «Подземстрой»! – радиосканнер скафандра вывел на головные телефоны гермошлема хрипение полковника на аварийной частоте. – Я – полковник Менделеев, Генеральный Штаб Министерства Обороны Российской Федерации! Прием!

Ответа не последовало, и полковник принялся монотонно вызывать «Подземстрой», часто прерываясь на кашель. В эти секунды в эфире стоял лишь треск сильных помех и ничего

больше. Перед глазами Антона развернулась знакомая картина: мрачный каменный мешок в нагромождении развалин, вокруг радиоактивная пыль, впереди наглухо запертые ворота в бомбоубежище, за которыми никто не подает признаков жизни, хотя не вызывает сомнений, что там, за воротами, есть люди, и они смотрят на Антона через наскоро установленную видеокамеру... И вот сейчас он снова стоит перед убежищем, в шаге от спасения, но путь к выживанию ему вновь преграждает стальная стена. Нервы не выдержали, и Овечкин, спотыкаясь в перемешанной с золой снежном месиве, бросился к стальной плите.

– Открывайте! – заорал он, колотя ногами по грязному исцарапанному металлу. – Слышите?! Вы не имеете права! Открывайте немедленно! Здесь люди ждут спасения!

– Инженер, заткнись! – сквозь забитый помехами эфир пробился голос полковника. – Не засоряй эфир! Капитан, озадачь его, пока он не свихнулся, и проследи, чтобы не ныл на аварийной частоте!

– Овечкин, иди сюда! – зарычал Порфирьев. – Поможешь таскать носилки! Потом тебя сменят. Саня, давай отбойный молоток, бери Овечкина и за носилками! – Он перевел взгляд на активистов: – Несите лопаты, будете выгребать грунт! Лейтенант, дай мне одного бойца, будет работать ломом, остальных забирай и занимай позицию за путепрокладчиком. Если двери начнут открываться, держать выход на прицеле! Без команды не стрелять!

Лейтенант кивнул, оставил ему бойца и увел остальных солдат за путепрокладчик. Люди, спотыкаясь в глубоком снегу, побрели за инструментом, и амбал окликнул молодого техника:

– Володя! Садись за штурвал вездехода и не вылезай оттуда! Если нам начнут открывать, не жди особого приглашения, сразу вырубай прожекторы и сдавай назад хотя бы на десяток метров.

– Я не смогу задом сдать, – молодой техник поморщился. – Здесь еще уже, чем там, в первом тоннеле. Да еще темно! Врежусь! Может, ты сразу вездеход развернешь мордой на выезд? И пусть так стоит. По прямой я на габаритных огнях отползу!

– На нем задних прожекторов нет, – возразил амбал. – Без света будем копать вдвое дольше, а в скафандрах аккумуляторы садятся. Тогда просто выруби все огни и заглуши движку. Все, давай в кабину! – Он обернулся к Антону: – Овечкин! Не стой столбом, хватай носилки и вперед!

Порфирьев бесцеремонно подтолкнул Антона в сторону тащащего носилки пожарного, отчего Овечкин едва не упал в грязный снег, поднял отбойный молоток и направился к стальной плите ворот.

Следующие полчаса Антон таскал носилки от оруduющего отбойным молотком Порфирьева к путепрокладчику, скрепя зубами от усталости, злобы и постоянно растущего нервного напряжения. Идти через глубокий снег по скользкому грунту было нелегко без всяких носилок, а с ними выматывало так, что он взмок от напряжения. Амбал велел им с пожарным высыпать грунт в две кучи возле стен, чуть впереди путепрокладчика, чтобы получалось что-то вроде брустверов. Сказал, мол, если из лифта откроют огонь, то пули должны увязнуть либо в путепрокладчике, либо в этих кучах и не долететь до вездехода, потому что, если вездеход умрет, а в бункер их не пустят, то все, пиши пропало. И Антон послушно надрывался, тихо беснуясь от ненависти к военным. Сначала они устраивают на планете ядерный кошмар, потом один из них унижает его на глазах сына и лишает дочери. Потом этот ублюдошный генерал едва не расправился с Антоном и его семьей, хорошо, что подох, туда ему и дорога, а теперь выясняется, что еще какие-то подонки в форме захватили «Подземстрой», устроили там кровавую расправу и теперь не пускают его в бункер. Он, будучи остро нуждающимся в медицинской помощи, надывается с этими долбаными носилками, а пятеро здоровых жлобов с автоматами разлеглись за долбаным путепрокладчиком, типа «заняли позиции», и ни фиги не делают! Но он все равно выживет им всем назло! Лишь бы только эти сволочи там, за воротами, впустили его внутрь!

Усиливающееся першение в горле вызывало нарастающий страх, от частого откашливания гортань воспалилась и болезненно отзывалась даже на кряхтение, головная боль, успокоившаяся после полученной в метро травмы, снова напомнила о себе. От отчаяния Антон решился попросить Порфирьева отпустить его отдохнуть, и тот даже согласился, но в эту секунду, как всегда внезапно, налетел ураганный ветер, и у тупика их рукотворного каньона вспыхнул чуть ли не торнадо из грязи и мелких камней. Все попадали, кто где стоял, и Антон с пожарным укрылись носилками, как смогли. Овечкин сжался в комок, но полностью уместиться под носилками двум взрослым людям невозможно, и разогнанные ветром камни больно били по торчащим из-под них частям тела. Материал скафандра смягчал удары, но температура под ветром сильно упала, и лежащий без движения вспотевший Антон быстро замерз. По окоченевшему телу летящие камни били болезненнее, от холода начался озноб, сухой кашель усилился, раздраженное горло отдавало резью. В довершение всего этого никто не отвечал на вызовы полковника, не умолкающего в эфире ни на минуту, и это было самое страшное. Через десять минут ветер наконец-то стих, и измученный Антон, пошатываясь, побрел к вездеходу.

– Куда? – Порфирьев схватил его за локоть и направил обратно к носилкам. – Работать кто будет?

– Мне надо отдохнуть, – вяло возмутился Овечкин. – Ты сам разрешил!

– Ты уже отдохнул! – прорычал амбал. – Таскай давай! – Он вновь загремел отбойным молотком.

Пришлось подчиниться и таскать дальше. Сам амбал долбил заледеневший грунт без устали, словно робот, и Овечкин понял, что за прошедшее время они откопали ворота больше чем наполовину. До интоксикации два часа, времени хватит, но что потом? Если их не впустят до истечения этого срока, то за сутки сидения в палатке тут все засыплет заново и снова придется рыть. Еще через пятнадцать минут до Порфирьева наконец-то дошло, что люди валяются с ног, и он вышел в ближний эфир.

– Лейтенант, смени нас, – прорычал он. – Тут немного осталось. Оружие не снимать!

Услышав эти слова, Антон бросил носилки и поплелся в сторону вездехода. Ему никто не мешал, и он оглянулся. Оказалось, что Порфирьев остался у входа и разговаривает с лейтенантом. Они обсуждают что-то на тему кто где занимает оборону, когда ворота откроются. Потом амбал взял карабин в руки и залег за дальней кучей грунта, выпадая из света прожекторов вездехода. Его силуэт расплылся, растворяясь в пыли, и Антон потерял Порфирьева из вида. Вот и пусть там сидит. Надо еще полковника к нему посадить, чтобы не грелся в теплом кузове! Военные все это устроили, вот пусть и расхлебывают! Чтобы договориться с маньяками, нужны другие маньяки, или как там говорят...

После троп, проторенных в снежной грязи от ворот до отвалов грунта, вновь пришлось идти через глубокий снег, и выбившийся из сил Антон несколько раз упал. Добравшись до вездехода, он с трудом влез в кузов и в изнеможении рухнул на сиденье. Отдыхающая смена забралась в машину, двери захлопнули, и три девятки на счетчике Гейгера превратились в три шестерки. Овечкин несколько секунд глядел на зловещую цифру, но уровень радиации не менялся, и в горле вновь запершило. Чтобы отвлечься от панических мыслей, он закрыл глаза и прислушался к монотонному голосу полковника. Сразу после урагана он дополнил свой примитивный армейский текст более разумной информацией, но ответа все равно не было.

– «Подземстрой», «Подземстрой», прием! Я – полковник Менделеев, Генеральный Штаб Министерства Обороны... – Полковник в очередной раз надрывно закашлялся, выходя из эфира.

Он привычным движением распахнул шлем, сплюнул кровавый сгусток и растер ногой. Антон открыл глаза и посмотрел на пол. Стальное покрытие под ногами полковника было покрыто грязно-красными разводами.

– ...Российской Федерации! – Полковник захлопнул шлем, продолжая вызов. – «Подземстрой», мы знаем, что вы нас слышите! Мы находимся перед вашими внешними воротами! До окончания цикла антирада остался один час сорок две минуты! Нам требуется помощь! Под моим командованием находится двадцать человек, включая шестерых женщин и одного маленького ребенка. У нас имеются высококвалифицированные гражданские специалисты: три медика, инженер-механик, техник и сотрудник пожарной охраны МЧС. В нашем распоряжении вездеход на воздушной подушке на электрической тяге в исправном состоянии. Мы откопали вход... – полковник снова зашелся в кашле, – ...теперь вы можете открыть ворота. «Подземстрой», ответьте! Прием!

Он замолчал, болезненно кривясь, и перевел дух. В кузове повисла гнетущая тишина, уставшие люди молча сидели на своих местах, никто ни с кем не разговаривал. Все напряженно вслушивались в шипение забитого помехами эфира, и ничто, кроме выживания, сейчас людей не интересовало. О чем тут говорить, когда ты стоишь в шаге от спасения, уткнувшись носом в стальную стену, и твоя жизнь полностью зависит от тех, кто за ней сидит. Почему они не отвечают? Они не могут нас не слышать! Это не какое-то там заштатное бомбоубежище возрастом в полторы сотни лет, в подвале московской многоэтажки, которое чинуши от Гражданской Обороны сохранили для галочки! У них там все есть! По последнему слову техники! Они в безопасности! Что им стоит впустить каких-то двадцать человек, если убежище рассчитано на тысячи?! А вдруг у них вышла из строя система связи, и они действительно нас не слышат?! Нет! Такого не может быть! Антон с трудом подавил панику. Он специалист в этой области и прекрасно знает, что подобное оборудование надежно и так быстро из строя не выходит. «Подземстрой-1» всего три года, их система связи наверняка от лучшего производителя, рекламная кампания, которую проводили бизнес-структуры Шрецкого, уделяла особое внимание тому, что каждый элемент бункера исключительно надежен и выпущен изготовителями с мировым именем. Там даже гарантия не закончилась! Просто так сломаться она не может, если только заводской брак, но «Подземстрой-1» функционирует три года, за это время такое давно бы вылезло наружу, и бракованное оборудование заменили бы по гарантии! Они должны нас слышать, должны! Просто полковник неубедителен, бубнит свою армейскую бредятину, заходясь в кашле через каждые два слова! Вести переговоры должен он, Антон Овечкин! Его интеллект, красноречие и успешный опыт сетевого хедлайнера позволят ему заинтересовать их! Он приведет веские аргументы, грамотно обоснует свою позицию, авторитетно полемизировать с оппонентами – это его конек, он успешный лидер мнений...

Бубнящий свой монолог полковник в очередной раз зашелся в душащем кашле на полуслове, и в образовавшейся паузе на аварийной частоте внезапно зазвучал чужой голос.

– Полковник, как принимаешь меня? – сигнал говорящего пробивался через помехи, но был слышен вполне отчетливо. – Это «Подземстрой», прием!

– «Подземстрой»! Принимаю тебя тихо, но уверенно! – оживился полковник. – Мы перед вашим входом! Откройте ворота!

– Не торопись, полковник, – в голосе собеседника звучала ирония. – Сначала выведи в эфир кого-нибудь из своих медиков. Я хочу убедиться, что это не блеф.

– Что? – полковник оторопел от неожиданности, но сразу взял себя в руки: – Медиков рядом нет, это женщины, мы оставили их в погибающем бункере, планировали вернуться за ними, как только убедимся, что «Подземстрой» уцелел...

– Ну так возвращайтесь, – заявил собеседник. – Вы только что в этом убедились. Мы подождем.

– У нас через полтора часа заканчивается цикл антирада! – возразил полковник. – Мы не успеем вернуться за это время! Нам нужно переждать интоксикацию!

– Ну так переждите, – постоянное шипение помех делало демонстративное равнодушие собеседника еще более холодным. – У тебя же есть «База», полковник. Используй ее.

Ошарашенный диалогом Овечкин потрясенно переводил взгляд с полковника на окружающих и обратно. Там, в «Подземстрое», знают, что у них есть спецпалатка... Значит, они слышали радиопереговоры полковника и Порфирьева... То есть все это время они слышали нашу мольбу о помощи, но не реагировали! И наверняка не собирались отвечать вообще, но полковник упомянул о медиках, и их это заинтересовало. Там, внутри, засели какие-то монстры в человеческом обличье! Антон судорожными движением переключил рацию на аварийную частоту, но полковник его опередил:

– В чем проблема, «Подземстрой»? – полковник явно сдерживал кипящую злобу. – Впустите нас, мы переждем интоксикацию в безопасном месте, и после этого вернемся за медиками. Их бункер в восьмидесяти километрах, это почти два с половиной часа езды!

– На таком расстоянии от нас нет никаких бункеров, – перебил его собеседник. – Я из штаба РВСН, полковник! Мне можешь не рассказывать.

– Это маленький семейный бункер! Мы наткнулись на него по пути... – Полковника вновь скрутило в приступе кашля, и Овечкин не выдержал. Он вышел в эфир на аварийной частоте и заорал:

– Впустите нас немедленно! Вы не имеете права! Это противозаконно! Вы обязаны нас выпустить!

– Овечкин, заткнись! – зарычал в эфире Порфирьев, но Антон не собирался подчиняться.

– Немедленно открывайте! – продолжал требовать он. – Нам срочно требуется медицинская помощь! У меня отравление из-за пробитого фильтра! Полковник кашляет кровью! Моя жена и ребенок нуждаются в лечении! Я требую, чтобы за ними немедленно отправили спасательную команду! Вы слышите?! Немедленно! Открывайте! Пока мы добирались сюда, у меня погибла четырехлетняя дочь! Мы потеряли двоих людей! Вы не имеете права не пускать нас! Это преступление! Оставление в опасности! Я...

– Овечкин, заткнись! – с неприкрытой издевкой заявил собеседник, повторяя фразу Порфирьева. – Противозаконно? Не имею права? Ты что, потерял зрение в момент взрыва?

– У меня все в порядке со зрением! – выкрикнул Антон. – Я хорошо вижу! Особенно трупы здесь, перед входом, в гражданских костюмах с пулевыми ранениями!

– Даю тебе одну секунду, чтобы навсегда уйти из эфира, – в голосе собеседника зазвучала угроза, – иначе условием вашего пропуска в бункер будет твой труп с пулевыми ранениями.

– Что... – Овечкин запнулся на полуслове.

В этот момент дверь в кузов распахнулась, и в вездеход влетел Порфирьев с карабином в руках. Амбал сходу ударил Антона прикладом в солнечное сплетение, и его скрутило от боли. Овечкин рухнул на грязный пол, хрипя от невозможности сделать вдох, и Порфирьев произнес на аварийной частоте:

– Все, он вышел из эфира.

– Полковник, что там у тебя за бардак? – осведомился собеседник. – Ты вообще своих людей контролируешь или у тебя там каждый дрючит, как хочет?

– Люди измотаны, – хмуро ответил полковник, кивая Порфирьеву на Антона. – «Подземстрой» наш единственный шанс выжить. Все вывернулись наизнанку, лишь бы добраться сюда.

Амбал кивнул в знак понимания, поднял корчащегося на полу Овечкина и усадил обратно на сиденье. Он отключил Антону микрофон и уткнулся лицевым щитком шлема в его лицевой щиток.

– Не беси его! – тихое рычание Порфирьева донеслось до Овечкина, словно из бочки. – Если он нас не впустит, подохнем все! Ты что, не понимаешь?! Это его техника стоит снаружи, это он откопал «Подземстрой». Раз он из штаба РВСН, то лучше нас знает, что мир превратился в ад. Какими законами ты собрался его страшить, дебил?! Заткнись и думай о жене с сыном!

Едва восстановивший дыхание Антон закашлялся и смог только сдавленно закивать в ответ. Тем временем полковник продолжал переговоры:

– Это был гражданский. Он инженер-механик. До того, как он прибил к нам, его не пустили в какое-то бомбоубежище. В результате его маленькая дочь умерла от передозировки антирада. Сейчас у него не выдержали нервы, сорвался. Он ценный специалист. Впустите нас хотя бы на время интоксикации. Как оклемаемся, поедem за медиками...

Полковник зашелся в кашле, и собеседник вновь воспользовался возникшей паузой.

– Послушай меня, полковник, – заявил он. – Не ты один чудом уцелел в ядерном огне, не только вы добирались сюда, выворачиваясь наизнанку! Если бы не мы, вы бы сейчас катались на своем вездеходе в ожидании смерти по пятиметровому слою грунта, под которым похоронило вход в «Подземстрой»! Это сейчас везде снег, а когда мы сюда добрались, тут все было усеяно трупами тех, кто дошел до «Подземстроя» после обмена ударами! Так что нам обязаны все, и вы в том числе.

– Мы ни на что не претендуем, – возразил полковник, – мы лишь хотим выжить...

– Не перебивай! – угрожающе перебил его собеседник. – Тут все хотят выжить! Людям вообще свойственно это желание! И ради его исполнения они готовы на все что угодно, в том числе рассказывать любые сказки, особенно душераздирающие. Но у нас тут непростая ситуация. Бункер принял более чем вдвое больше народу, нежели был рассчитан. Системы жизнеобеспечения сильно перегружены, особенно тяжело с продовольствием. Из-за этого уже возникали столкновения, результат которых ты видишь там, за путепрокладчиком. С медициной проблемы еще серьезнее: врачей нет, и на пять тысяч человек всего одна медсестра. Мы даже не можем выйти в эфир, чтобы попытаться установить связь хоть с кем-нибудь, потому что все внешнее оборудование перестало существовать, а внутренние системы связи едва пробивают радиоактивную толщу. В условиях высокой ионизации связь не цепляет дальше километра. Итого: нам нет смысла запускать к себе два десятка полумертвых психов с оружием и на нервах, которым лишь бы попасть внутрь, а оттуда их уже живыми не выпнешь. Но я дам вам шанс! Ты еще слушаешь меня, полковник?

– Слушаю, – зло сплюнул тот. – Тебя все слушают!

– Вот и чудесно! – без тени иронии оценил собеседник. – Потому что это всех касается! Сейчас вы уезжаете отсюда и возвращаетесь с медиками. Но в бункер вас никто не пустит до тех пор, пока наша медсестра не протестирует ваших медиков в эфире и не подтвердит, что они те, за кого себя выдают! А не какие-нибудь долбанные менеджеры или бухгалтеры из районной поликлиники, ни хрена не соображающие в медицине, но очень желающие выжить! У нас тут и так баб на сорок процентов больше, чем мужиков, так что невелика потеря. Но если вы действительно хотите попасть в бункер, несмотря ни на что, то у меня есть для вас боевое задание. Под Москвой, относительно недалеко от Звездного Городка, расположены склады Росрезерва. Но ты и сам знаешь, полковник, вы ведь там побывали после нас, не так ли?

– Побывали, – полковник скривился от сдерживаемой ярости, но вида не подал. – Это почти пятьсот километров отсюда. Нам может не хватить запаса хода.

– Хватит, – заверил его собеседник. – У вас полтора аккумулятора, или ты забыл? Я не понял, полковник, вам надо в бункер или вы уже передумали?

– Не передумали, – полковник держал себя в руках, но по бушующей во взгляде злобе Антон понял, что он записал собеседника в смертельные враги. – Что нужно сделать?

– На складе 11Б, шестая секция, есть стационарный ретранслятор для установки связи через орбиту. Привезите его сюда, и пусть ваш инженер его развернет и подключит, раз самый умный. Короче: мне нужна связь и медики. Привезете – добро пожаловать в «Подземстрой». Нет – советую дожить свои последние дни на складах Росрезерва. Там хоть продукты есть. Ну так как?

– Я должен посоветоваться со своими людьми, – прокашлял полковник.

– Советуйся, – равнодушно разрешил собеседник. – У тебя пять минут.

Собеседник покинул эфир, и полковник приказал всем собраться в вездеходе. Лейтенант с солдатами появились через минуту, и полковник велел выключить рации. Он распахнул шлем, сплюнул кровавым сгустком и обвел всех взглядом:

– Что будем делать? Этот мудака хочет нас использовать без каких-либо гарантий. Не уверен, что он не попытается убить нас после того, как мы дадим ему то, что он хочет. Но если мы не попадем внутрь, нам так и этак конец.

– Это не человек, а чудовище, – тихо произнес Антон. – Ради собственного выживания он готов жертвовать людьми с легкостью...

– Не он один, – зарычал Порфирьев и уставился на Овечкина полным презрения красноречивым взглядом. Мол, забыл, как из-за тебя погибали люди? Антон потупился, и амбал заявил: – Надо ехать за ретранслятором. Смысл сидеть просто так? Даже если мы вернемся в самодельный бункер к бабам, долго не проживем. Там энергии осталось на четыре дня.

– Может, сначала попытаемся привезти сюда девушек-медиков? – предложил кто-то из активистов. – Если они пройдут тест этой медсестры, то нас запустят без ретранслятора.

– А если не пройдут? – Порфирьев скептически поморщился. – Там три сопливые студентки, закончившие третий курс мединститута. Хотя одна вроде что-то соображает... Но надеяться на удачу я бы не стал. Что такое три курса? Тем более для медика. Только время зря потеряем и настроим этого ушлепка против себя еще сильнее. Предлагаю сразу притащить сюда ретранслятор и их вместе с ним. Так шансов будет больше.

– Согласен. – Полковник посмотрел на молодого техника: – Вездеход дойдет туда и обратно?

– Если ничего не сломается – дойдет, – пожал плечами тот. – Но вроде не должно. Петрович говорил, что это старая проверенная модель, у него моторесурс пятьсот тысяч километров, если движку не рвать, то должен дойти.

– О'кей. – Полковник перевел взгляд на Овечкина: – Инженер, справишься с ретранслятором?

– Это моя специальность, – тоскливо ответил Антон, содрогаясь от одной только мысли о том, что близкое спасение вдруг оказалось недостижимо далеко. – Я этим каждый день занимался. Справлюсь.

– Сможешь сделать так, чтобы без тебя он не заработал? – полковник буравил Овечкина глазами. – Если после запуска ретранслятора нас вместо бункера угостят свинцом?

– Смогу, – подавленному Антону идея полковника неожиданно понравилась, и его боевой дух резко подскочил. – Я отрегулирую настройки и без меня он вообще не запустится! Придется перепрошивать прошивку полностью! Для этого нужен специалист с оборудованием и кодами допуска с завода-изготовителя, такого нет даже у дилеров! Ни фиги они его не запустят!

– Капитан, как думаешь, сколько у него людей? – полковник обернулся к Порфирьеву. – У нас есть шансы отбиться, если он захочет нас убрать?

– Судя по технике, которую он сюда привел, человек тридцать у него точно было с самого начала, – задумчиво ответил амбал. – Скорее всего, сюда людей с ним пришло больше, кого-то они подобрали на складах Росрезерва. Там ворота не были взломаны, значит, их открывали изнутри, а внутри мы живых не нашли. Всех, кто там уцелел, он забрал с собой. Поэтому в курсе, где что лежит. Вряд ли в штабе РВСН каждый мудака наизусть знает содержимое ближайших складов Росрезерва. Может, еще по дороге кого-то нашли, кто его знает.

– Этот бы никого подбирать не стал! – с ненавистью заявил Антон. – Проехал бы мимо!

– В общем, воевать за него будут человек сорок. – Порфирьев проигнорировал Овечкина, словно того не существовало. – На меньшее я бы не рассчитывал. Для нас это слишком много, тем более без штурмовых комплектов, которые у него наверняка есть. С нашими силами штур-

мовать бункер бесполезно, даже если они откроют ворота нараспашку. Все, что мы можем, это отдать свои жизни подороже, если до этого дойдет.

– Я тебя слышал, – закашлялся полковник. – Значит, особого выбора у нас нет. Но если останемся живы, я найду способ раздавить эту гниду! Собирайте инструмент и выдвигаемся. Пока еще осталось время, надо отойти отсюда подальше и найти место для базы.

Лейтенант с солдатами отправился за брошенным возле ворот инструментом, Порфирьев и молодой техник полезли в кабину, полковник вышел в эфир и вызвал «Подземстрой». Пару минут ему никто не отвечал, и Антон испугался, не отказался ли этот бесчеловечный монстр от своего предложения. Но кашляющий полковник лишь презрительно ухмылялся, мол, меня на пушку не возмешь, и продолжал монотонно бубнить в эфире ничего не выражающими интонациями.

– Что ты решил, полковник? – голос зловещего собеседника зазвучал в шипении помех.

– Мы согласны на твои условия, – ответил тот. – Мы привезем ретранслятор и медиков, все сразу. Этого хватит, чтобы попасть внутрь?

– Вполне, – подтвердил собеседник. – Я назначу круглосуточное дежурство на узле связи, если твои люди вернутся, то тратить время на ожидание им не придется.

– Повтори еще раз, где находится ретранслятор.

– Склад 11Б, шестая секция. И там рядом есть еще контейнер с запчастями для водоподъемного оборудования. Тот же склад, двенадцатая секция. Его тоже захвати. Учти, он весит тонну. Сколько у тебя штурмовых комплектов?

– Ни одного, – полковник ухмыльнулся. – Мог бы спросить прямо.

– Я и спросил прямо, – парировал собеседник. – Контейнер действительно весит тонну, он мне нужен, так что твоим людям придется придумать, как его погрузить. Ты записал номер склада?

– Записал, – зашелся в кашле полковник.

– Тогда отдай запись своему капитану, – велел собеседник. – Я вижу, он у тебя сообразительный. И выходи из машины. Ты остаешься здесь.

– В смысле? – рука полковника замерла на полпути к личному щитку.

– В прямом. Я слышу, как ты пытаешься выплюнуть свои легкие. Эту поездку ты не переживешь, так что мы забираем тебя внутрь, один биорегенератор сейчас свободен. Мы не звери, полковник, мы просто пытаемся выжить. Заодно послужишь обоюдной гарантией. Твои люди будут знать, что у нас все честно, а у меня будет больше уверенности в том, что у них в дороге не сорвет крышу от отчаяния, и они вернутся сюда хотя бы с запчастями. Сразу предупреждаю, я поставил за воротами пулеметы и пару осколочно-фугасных зарядов направленного взрыва. Если после того как ворота откроются, мои люди увидят перед ними больше одного силуэта, все это будет приведено в действие, наша сделка расторгается, я отключаю радиосвязь и забываю о вашем существовании. Вопросы есть? – в голосе собеседника зазвучала насмешка: – Или тебе опять нужно посоветоваться со своими людьми?

– Вопросов нет. – Полковник распахнул шлем и презрительно сплюнул кровью. – Через пять минут буду у ворот. Один.

Он постучал в окно кабинной перегородки и знаком позвал к себе Порфирьева. Амбал вернулся в кузов, но полковник лишь молча указал ему на кресло и дождался прибытия остальных. Убедившись, что все в сборе, он отключил рацию, надсадно прокашлялся и произнес:

– Привезите этот гребаный ретранслятор с запчастями. Даже если он не заработает, вас впустят внутрь. Я об этом позабочусь. Зря он меня запустил, это было ошибкой. Вскоре власть в «Подземстрое» может поменяться. Мне за нее бороться не привыкать. Уверен, что там, внизу, найдется много недовольных этим куском дерьма. Недаром перед путепрокладчиком лежат трупы. Сказку о столкновениях за продовольствие пусть рассказывает кому-нибудь другому.

Капитан, назначаешься старшим. Уводи отсюда людей, не обостряй ситуацию зря. Он должен быть уверен, что все контролирует. Это упростит мне задачу. Работай!

Полковник вышел из вездехода и с трудом побрел в сторону ворот, спотыкаясь в глубоком грязном снегу. Антон проводил взглядом его силуэт, исчезающий за путепрокладчиком, и с трудом подавил в себе панику. Через несколько минут полумертвый полковник будет в безопасности, а ему предстоит напичканный смертью путь в пятьсот километров и обратно. Но другого шанса спастись у него нет, в «Подземстрое» засел полностью неадекватный людоед, не знающий других аргументов, кроме убийства! Даже отмороженный мизантроп Порфирьев по сравнению с ним приветливый добряк! Хотя наверняка с удовольствием убьет Овечкина, если людоед из «Подземстроя» в обмен на это запустит его в бункер! Антон вспомнил равнодушные взгляды военных в тот момент, когда покойный генерал целился ему в голову. Любой из них убьет его ради собственного спасения, не задумываясь! Все его беды из-за военных! Все беды в мире из-за военных! Если бы не их патологическая жажда убийства, никто бы по «Подземстрою» не стрелял! Никто бы вообще ни в кого не стрелял! Наверняка они даже не дали политикам возможности договориться и решить конфликтную ситуацию на Шельфе дипломатическим путем! Какой-нибудь такой же генерал столкнулся лбом с каким-нибудь таким же людоедом из «Подземстроя», и каждый дал другому одну секунду на безоговорочное подчинение! В результате мир сгорел в ядерном огне! Но даже после этого они продолжают убивать ради того, чтобы упиваться властью! Почему убийцы и садисты всегда берут верх над цивилизованными интеллектуалами?! Почему всегда выживают именно они?! Что еще должно произойти, чтобы в людях наконец-то возобладал разум?!!

– Овечкин! – Глухое рычание Порфирьева вырвало Антона из истеричных раздумий. – Рацию можешь включить! – Капитан говорил не в эфир, и по болезненной гримасе было видно, что сильно повышать голос является для него мучительным процессом. – До особой команды всем сохранять радиомолчание, нас будут прослушивать, сколько смогут. – Он включил рацию и объявил: – Все по местам! Выдвигаемся!

Амбал покинул кузов, забрался в кабину, и гудящие винты вездехода надрывно взвыли. Машина провернулась вокруг своей оси, оказываясь кабиной в сторону выезда, и тронулась с места, медленно набирая скорость. В кузове повисла мрачная тишина, пропитанная безысходностью, и Антон смотрел в иллюминатор невидящим взглядом. Как долго и куда они едут, он не следил. Вездеход полз куда-то сквозь бесконечный океан радиоактивной пыли, то останавливаясь и разворачиваясь против вспыхивающего ураганного ветра, чтобы избежать катастрофы, то продолжая движение, как только пыльный шквал затихал. Пропавшая видимость вновь возвращалась в свои двадцать метров, и за иллюминатором плыл однообразный сумеречный пейзаж: перемешанный с золой черный снег, полуметровым слоем устилающий холодную пустошь, усеянную обожженными обломками пней и обугленными головешками разных размеров, еще две недели назад бывшими лесом.

Вездеход полз куда-то сквозь бесконечный океан радиоактивной пыли, то останавливаясь и разворачиваясь против вспыхивающего ураганного ветра, чтобы избежать катастрофы, то продолжая движение, как только пыльный шквал затихал.

Потом Порфирьев разрешил разговаривать, и в ближнем эфире зазвучали тихие голоса, устало матерящие захватившего «Подземстрой» ублюдка. Кто-то обещал убить его при первой же возможности, кто-то опасался, что новый хозяин «Подземстроя» та еще продуманная тварь и прекрасно понимает, что такое желание может у них возникнуть. Поэтому не исключено, что он пожелает убить их первым, ведь оказавшись в «Подземстрое», они будут в его власти. А о том, как он ею пользуется, лучше всего рассказывают трупы за путепрокладчиком. Лейтенант заявил, что такого не произойдет, потому что в бункере их будет ждать полковник, а он та еще мразь и интриган, каких поискать, незадолго до начала войны подставил своего бывшего начальника настолько грамотно, что того отправили на пенсию, а полковник занял его место и получил генеральскую должность. Так что это еще вопрос, кто в конечном итоге будет командовать «Подземстроем». Но их полковник точно не продаст, потому что в борьбе за власть ему потребуются свои люди, без надежной команды в этом деле никуда. Аргументы лейтенанта всех ободрили, и лишь Антон не проронил ни слова. Какая разница, кто будет сидеть на кровавом троне? Сейчас главное выжить. Дилара права. Выжить можно только рядом с тем, кто сильнее. Желательно сильнее всех. И он выживет. Ради себя и своей семьи. Если для этого необходимо подчиняться Порфирьевым, полковникам или людоедам – он сделает это. Но если когда-нибудь верховенство закона вернется, он позаботится о том, чтобы все они ответили за свои преступления!

Рычание Порфирьева в эфире заставило Овечкина вздрогнуть, но оказалось, что амбалу не до него. До интоксикации осталось сорок пять минут, и капитан с молодым техником ищут место для стоянки. Несколько раз вездеход останавливался, и амбал вылезал из кабины наружу. Он топтался в глубоком снегу, ощупывая скрытую под ним поверхность, но оставался недоволен, и движение продолжалось. Минут через двадцать относительно ровное место было найдено, вездеход заглушили, и все торопливо принялись разворачивать базу. Спецпалатку установили за какие-то секунды до очередной внезапной вспышки ураганного ветра, и внутрь Антону пришлось забираться на четвереньках, потому что устоять на ногах он не мог. Пока военные торопливо раскочегаривали печь, Порфирьев отозвал Овечкина в угол и тихо прорычал:

– Ты точно справишься с ретранслятором? Или нам надо думать, как выкручиваться? Может, сначала студенток ему привезем? Вдруг повезет?

– Я справлюсь с любым оборудованием связи, – мрачно ответил Антон. – Я десять лет этим занимаюсь. В ассортименте нашей фирмы были и старые устройства, и самые свежие новинки. Я регулярно проходил тренинги на ведущих заводах-изготовителях, имею сертификаты...

– Понятно, – перебил его Порфирьев. – Значит, шансы есть. Нам бы еще понять, как эту дуру весом в тонну с собой утащить. Ты можешь сделать так, чтобы мы смогли заряжать батареи штурмовых комплектов от аккумуляторов вездехода? Я видел в «Росрезерве» какую-то мастерскую.

– Не знаю, – признался Овечкин, но сразу же поспешил уточнить: – Но я попытаюсь! С этим надо разбираться! Может, и получится!

– Хорошо, – капитан обернулся на чей-то хрип и направился к скрученному интоксикацией солдату.

Антон улегся на свое место и замер в раздумьях. Он подключит этот ретранслятор и сделает, как советовал полковник, – так, чтобы без Овечкина аппаратура связи не заработала.

И никто даже не поймет, в чем причина. Это сделает Антона ценным, даже если в «Подземстрое» нет проблем с инженерами. А ценный специалист понадобится любому хозяину, кто бы там ни захватил власть. Соблазн поскорее доехать до семейного бункера и привезти людоеду медиков был очень велик, но теперь Антон точно знал, что этого делать нельзя. Во-первых, Порфирьев прав, студентки-третьекурсницы могут оказаться бесполезными и провалить тестирование, которое будет проводить медсестра, если она окажется опытной, с многолетним стажем. Во-вторых, он хорошо понял образ мышления людоеда. Тот запросто может забрать себе медиков, а остальных убить, посчитав лишними ртами, озлобленными и нелояльными. Тем более в «Подземстрое» сильное перенаселение и женщин гораздо больше, чем мужчин, а Дилара женщина. Нет, так рисковать Антон не будет. Он должен стать ценным ресурсом, и он им станет, главное, чтобы он и его семья оказались в безопасности и выжили. Ему нужен этот ретранслятор!

Несколько минут Овечкин неподвижно лежал, пытаясь не слышать захлестнувшие палатку хрипение и рвотный кашель, потом поднялся и побрел к ширме санузла, обходя корчащихся в тошнотных судорогах людей. Половину отряда уже скрутило интоксикацией, и очередь к походному туалету состояла лишь из трех человек. Он успеет вернуться на свое место до начала мучений.

* * *

Дисплей автоматического физиотерапевта звякнул и вывел сообщение об окончании процедуры электрофореза. Наблюдающая за процессом медсестра лет сорока встрепенулась с неожиданным для ее тучного тела проворством и поспешила освободить укупоренную в процедурную мини-ванну руку обнаженного по пояс Брилёва.

– Вот и все, Дмитрий Адамович! – с заискивающей улыбкой подобострастно сообщила она, тщательно стирая с его руки медицинский гель. – Как ваш локоть? Согните и разогните руку!

– Гораздо лучше. – Брилёв несколько раз согнул руку в локте. – Немного беспокоит, но острой боли больше нет. Как скоро это пройдет полностью?

– Еще два сеанса, и локоть будет как новенький! – заверила его медсестра.

– Очень на это надеюсь, – Брилёв сдержанно улыбнулся в ответ. – Спасибо, Зарема Викторовна.

– Что вы, что вы! – почти натурально смутилась та. – Это же мой долг как медицинского работника! Если почувствуете недомогание, обращайтесь в любое время! Давайте я вам помогу!

Она словно швейцар подала ему рубашку от полевого обмундирования и заботливо убрала нитку, зацепившуюся за звезду на полковничьем погоне. Брилёв застегнулся, кивнул и вышел из процедурного кабинета. Медсестра бросилась провожать его, но не преуспела. Ожидающая за дверьми охрана сомкнулась вокруг Брилёва, и ей пришлось до самого выхода из медблока идти где-то за спинами бойцов. Скопившиеся у дверей медблока женщины как всегда препирались между собой в ожидании приема, но едва в коридоре показался Брилёв с охраной, разговоры мгновенно стихли. Люди поспешили расступиться, прижимаясь к стенам, и искоса бросали на него испуганные взгляды, избегая смотреть в глаза. Окруженный десятком вооруженных охранников полковник миновал коридор и направился к лифтовой площадке. Позади послышался голос медсестры, сообщающей о том, что прием нуждающихся в медицинской помощи продолжится через пять минут, и опасливо оглядывающаяся толпа потянулась внутрь медблока.

Обычно Брилёв не выгонял людей из медблока, когда проходил лечебные процедуры. Вполне хватало того, что он приходил туда всегда в разное время и его телохранители блоки-

ровали процедурный кабинет снаружи. Но в этот раз его самые надежные люди выполняли особую задачу, и полковник посчитал разумным усилить меры безопасности. Он взял с собой больше охраны и отправил бойцов очистить медблок к своему приходу. Неожиданности ему не нужны, особенно сейчас. Слухи о появлении у ворот бункера выживших разнеслись по «Подземстрою», вызывая у населения нездоровый ажиотаж, и стоило быть начеку. Было бы наивным думать, что ликвидация полутора десятков заговорщиков полностью избавила его от внутренних врагов. Недовольные будут всегда. Что бы ни делал лидер, его действия всегда будут порождать как сторонников, так и противников. И если не хочешь каждую минуту доказывать очередному выскочке свое право на власть – держи подчиненных в узде. Это правило за годы карьерного роста он усвоил очень хорошо. Не говоря о том, что он уцелел в ядерной мясорубке, после которой сумел спастись из безвыходного положения, будучи обречен на неминуемую смерть, и погибать сейчас, когда все сложилось настолько хорошо, насколько вообще возможно в теперешних реалиях, он не собирался.

Лифтовая кабина распахнулась, и ожидающие внутри нее охранники расступились, пропуская Брилёва. Часть охраны зашла следом, двери закрылись, и лифт пошел вверх. Офис директора «Подземстрою-1» располагался на первом уровне из трех, в отдельном административном блоке, который вместе с примыкающими к нему подуровнями теперь был полностью передан людям, составляющим команду Брилёва, и эта часть бункера являлась наиболее лояльной, а значит, наиболее безопасной. В первые дни полковник хотел перенести медблок туда же, но почти сразу выяснилось, что это невозможно по целому ряду причин, в основе которых лежит острая нехватка квалифицированных специалистов. Поэтому ради восстановления здоровья приходится спускаться на второй уровень, что в определенной степени рискованно. Приходится быть начеку, но меда без дегтя не бывает.

Лифт достиг первого уровня, охрана вышла первой и соединилась с бойцами, ожидающими у дверей. Вставленная в ушную раковину рация голосом личного помощника сообщила, что все чисто, и Брилёв покинул кабину. Добравшись до административного блока, полковник миновал охраняемые с обеих сторон гермодвери, по его приказу укрепленные изнутри дополнительной противопульной защитой, и направился в офис директора. Усевшись в свое кресло, он отпустил охрану за дверь, включил настольный коммуникатор и коснулся кнопок вибромассажа и перевода кресла в полулежачее положение. Завибрировавшее кресло начало принимать указанную позицию, и Брилёв по привычке бережно уложил на подлокотник свою многотрадальную руку. На экране коммуникатора высветился доклад нового начальника Службы Безопасности о настраениях в бункере, и полковник пробежал глазами пару коротких абзацев. Все в пределах нормы, недавний захват власти интересует толпу гораздо меньше, чем катастрофическое перенаселение, проблемы с электроэнергией и приближающаяся нехватка продовольствия. Эгоистичное стадо. Они не были на поверхности, не знают, что такое ад, и не боролись за жизнь в лишенных шансов условиях. Этих держать в ежовых рукавицах будет несложно. Брилёв закрыл глаза, и в памяти вновь всплыли события десятидневной давности. Самые страшные в его жизни, но, к счастью, не самые последние.

Второй ядерный удар противника, нанесенный по КП-дублеру в Звездном Городке, оказался точнее первого. Вряд ли враги сознательно скорректировали точку нанесения удара, к тому моменту ни у них, ни у нас уже не было средств, способных выполнить такую корректировку. Скорее всего, второй удар наносили с отклонением, выполненным наугад, и он оказался точнее просто случайно. Сам по себе и этот удар не был идеальным, иначе бы КП превратился в озеро кипящего металла, но даже такого попадания хватило, чтобы уничтожить его практически полностью.

В сознание Брилёв пришел от резкого спазма в носовых пазухах и первое, что увидел, была затянута в перчатку скафандра высшей защиты рука со вскрытой ампулой нашатырного спирта перед носом. Полковник дернулся, убирая голову, зрение прояснилось, и он

уткнулся взглядом в лицевой щиток гермошлема, за которым обнаружился начальник инженерной службы.

– Это антирад! – майор втокнул ему в рот бело-красную капсулу. – Жуй! Быстро!

Одеревеневшие нервные окончания обретали чувствительность медленно, и Брилёв не сразу ощутил химическую горечь препарата. Нашатырный ожог в носовых пазухах сменился горячим запахом едкой гари, зрение уловило развороченную до неузнаваемости обстановку и раскаленную докрасна вздувшуюся пузырем стальную переборку, отделяющую служебную часть КП от отсека управления. Брилёв лежал в двадцати метрах от нее возле лопнувшей стены коридора, освещения не было, и он понял, что принял свечение раскалившейся стали за работу аварийных ламп.

– Вставай! – склонившийся над ним майор нацепил на него маску аварийного дыхательного аппарата. – Быстрее! Фон растет с каждой секундой! – Он поставил полковника на ноги: – Двигаться можешь?

– Могу, – Брилёв пошатнулся, но устоял. – В глазах плывет...

– У тебя контузия! – Майор сунул ему в руки ампулу с нашатырным спиртом и литерный пенал с антирадом: – Если начнешь терять резкость, нюхай ампулу! – Он подтолкнул Брилёва к лежащему неподалеку спецназовцу: – Поднимай их, сразу давай антирад, и на выход! Мы открыли люки, выходите в тоннель как можно дальше!

Майор рывком поправил нанизанную на руку охапку аварийных масок и подхватил лежащий рядом светящийся химический фонарь. Он швырнул фонарь куда-то между расплывающимися в красном мраке телами в фотохромных комбинезонах и скрылся в боковом коридоре. Дыхательный аппарат отфильтровал воздух, удушливое жжение в легких пропало, и полковник побрел к ближайшему бойцу. Светящийся возле него химический фонарь мешал мимикрирующему снаряжению спецназовца сливаться с полом, и Брилёв разглядел остальных. Все лежали рядом, и полковник понял, что майор нашел всех и стащил в кучу, но первым привел в себя его, потому что он был без средств защиты. Спецназовцы в своем снаряжении должны были пострадать меньше, но в момент взрыва их шлемы были распахнуты, значит, они либо погибли, либо очнутся быстро.

В голове шумело, ноги не слушались, и пять шагов Брилёв делал почти полминуты. Добравшись до ближайшей расплывчатой фигуры, он склонился над бойцом и едва не упал. В глазах плыло и было непонятно, реагирует лежащий на нашатырь или нет. Наверное, он мертв, мелькнула мысль, пробиваясь через заторможенное сознание. Надо выбираться отсюда, пока сам жив. Полковник хотел сделать шаг, но понял, что стоит возле тела на коленях, опираясь рукой с ампулой в пол. Чтобы подниматься было легче, он оперся ею о грудь лежащего, но вставать получалось медленно. В этот момент спецназовец дернулся, видимо, вдохнул нашатыря, и открыл глаза. Он судорожным рывком убрал голову подальше от ампулы и попытался оглядеться.

– Что за... – Спецназовец узнал Брилёва и попытался оглядеться. – По нам попали!

Он скривился от едкого дыма и нетвердым движением захлопнул лицевой щиток шлема.

– Ешь антирад, – Брилёв протянул ему пенал с ампулой. – Поднимай остальных и на выход!

Спецназовец забрал пенал и ампулу, и с освободившимися руками подниматься стало легче. Полковник встал на ноги и побрел по покосившемуся коридору в сторону выходного шлюза. Идти в полный рост оказалось невозможно, вверху дыма было больше, голова утопала в нем полностью, и ничего не было видно. Брилёв попытался двигаться, согнувшись, но головокружение от этого усилилось, и его водило из стороны в сторону. В полумраке он задел контуженной рукой за выступ разорванной металлической стены, и локоть взорвался адской болью. Полковник упал, взывая от жестоких страданий, и потерял ясность сознания, катаясь по полу. Потом кто-то с силой придавил его к горячему металлу, но укола впивающегося в

бедро шприц-тюбика с обезболивающим он не почувствовал. Боль отступила, кровавые круги перед глазами прошли, и полковник увидел, что спецназовцы тащат его через распахнутый выходной шлюз. Выход наружу из развороченного КП оказался на высоте в четыре метра над землей, и люди майора сбросили вниз надувной аварийный трап. Брилёва сходу вытолкнули на надувную поверхность, его потащило вниз, разворачивая боком, голова ударилась в мягкий борт, сознание поплыло, и он отключился.

Очнувшись, он обнаружил себя лежащим на грунте рядом со шпалами железнодорожного пути, где-то в тоннеле, ведущем от бункерной полости в сторону Москвы. Его левый рукав был наскоро закатан, на самой руке укреплен блок реанимационной капельницы, индикатор которой сообщал об окончании введения препарата. Брилёв неуклюже поправил на лице маску дыхательного аппарата и попытался сесть. Пространство вокруг оказалось заполнено лежащими без сознания людьми в дыхательных аппаратах с такими же капельницами. Воздух был горячим и мутным, на выезде из тоннеля со стороны КП рваными тенями метались багровые отсветы. Какие-то фигуры в штурмовых комплектах, надетых поверх скафандров высшей защиты, появлялись оттуда с неподвижными телами на плечах, сгружали их на землю и убегали обратно. Над спасенными возились непонятные мутные тени, то растворяющиеся в темноте тоннеля, то появляющиеся в отблесках бушующего за ним пожара. Одна из теней заметила поднявшего голову Брилёва и начала быстро приближаться к нему.

– Товарищ полковник! – Вблизи размытый силуэт принял очертания спецназовца в фотохромном комбинезоне. – Встать можете? – Он снял с руки Брилёва блок опустевшей капельницы. – Давайте за мной! Надо надеть скафандр!

Боец помог ему подняться и повел к выходу из тоннеля, обходя разложенные в узком пространстве тела. Голова уже не кружилась, к зрению вернулась резкость, болезненные ощущения сменились замедленной реакцией нервной системы, находящейся под действием мощного обезболивающего. Несколько раз полковник запнулся о лежащие тела, но спецназовец удержал его от падения. Добравшись до выхода, боец указал на сваленное возле кучи распечатанных реанимационно-медицинских наборов аварийное снаряжение:

– Надевайте скафандр! Как размер подгонять, знаете?

Его слова не сразу дошли до разглядывающего бункерную полость Брилёва. На несколько секунд полковник замер, обводя растерянным взглядом открывшуюся картину. Полость сильно обрушилась и превратилась в один сплошной завал. Стоящий в тупике железнодорожный состав расплющило вместе с тупиком, из-под огромных валунов торчала вывернутая наизнанку половина последнего вагона. От висящей на сотнях стальных тросов громады командного пункта осталось рваное месиво, больше всего походившее на скомканную фольгу, объятую химическим пламенем. Размозженный бункер валялся на дне бункерной полости, на две трети засыпанной обрушением, выпирающие из-под завалов элементы рваного корпуса дымились чем-то желтым, дальнюю часть искореженной конструкции было невозможно разглядеть в бушующем шипящем пламени. Верхняя половина незасыпанной бункерной полости была заполнена желтоватым дымом, и объем задымления продолжал расти. Противобункерный боеприпас ударил с противоположной от выхода стороны, ближайшая к взрыву часть КП оказалась сплюснута в лепешку мгновенно, остальной бункер смяло в гармошку почти полностью. Сектор выхода, полопавшийся и деформированный, оказался единственным относительно уцелевшим сегментом КП. От неминуемой смерти Брилёва спасло то, что за несколько секунд до взрыва он покинул командный отсек, и охрана задраила толстостенный люк, запирающий мощную разделяющую переборку. Но если бы не майор инженерной службы, он все равно был бы мертв, потому что шипящее желтым дымом пламя уже охватило остатки бункера целиком, и объятый огнем надувной аварийный трап с гулким хлопком лопнул прямо на глазах у полковника.

В нескольких метрах от превратившегося в металлический костер бункера шесть человек в экзокорсетах поверх скафандров высшей защиты торопливо собирали разбросанное вокруг оружие и штурмовые комплекты. Брилёв понял, что все это извлекалось прямо из огня, пока еще была возможность, и сбрасывалось вниз по аварийному трапу или просто на грунт. Потом огонь выдавил спасателей из бункера, и теперь они складывают то, что удалось спасти, на две телеги, собранные кустарным способом. В эту секунду сознание полковника осмыслило фразу спецназовца, и он бросился к сваленным в кучу скафандрам. Радиация! Здесь смертельная радиация! Ему срочно нужна защита! Раз он не погиб, то еще не все потеряно! Это телеги, изготовленные инженерным отделом! А те шестеро возле них – и есть инженерный отдел, только они в момент взрыва были в защите, он сам приказал им собраться у выхода в полном боевом для проведения смотра! Они эвакуировали из бункера кого смогли и вытащили защитное снаряжение. Значит, у него еще есть шанс!

Нужный скафандр обнаружился быстро, и спецназовец помог Брилёву надеть снаряжение. Остальные трое бойцов в двух шагах от него оказывали спасенным медицинскую помощь. Находящимся без сознания людям в аварийных дыхательных аппаратах ставили капельницы с реанимационным препаратом, накладывали повязки на видимые раны и оттаскивали вглубь тоннеля. Раненых и пострадавших было много, кто-то уже пришел в себя, но большая часть лежала неподвижно, и полковник увидел, как один из спецназовцев, склонившихся над очередным раненым, прекратил реанимационные процедуры. Боец снял с него дыхательный аппарат, подхватил тело и оттащил в сторону, где лежали несколько таких же.

– Сделайте вдох и закройте глаза! – помогающий Брилёву спецназовец держал в руках его гермошлем. – На счет «три» снимайте дыхательный аппарат, я надену на вас шлем.

Полковник торопливо вдохнул, зажмуриваясь, и боец произнес:

– Раз! Два! Три!

Брилёв сорвал с себя маску и почувствовал, как подшлемник охватывает голову. Гермокрепления щелкнули, с тихим шипением стравливая воздух, и в лицо ударила прохладная струя кислорода, вытесняя из гермошлема забортную атмосферу. Полковник выдохнул, но не смог заставить себя вытерпеть положенные перед вдохом секунды и судорожно вдохнул. По слизистым ударило что-то едкое, носовые пазухи и гортань защипало, из глаз брызнули слезы, и он закашлялся.

– Сейчас воздух очистится! – глухо донесся до него голос спецназовца. – Потерпите пару секунд!

Прохладный кислород быстро заполнил гермошлем, и болезненные ощущения пропали. Брилёв отдышался и открыл глаза. Датчик скафандра показывал стопроцентное функционирование всех систем, и полковник облегченно выдохнул. Хотя бы так!

Стоящий напротив спецназовец соприкоснулся с ним лобовым щитком и произнес:

– Рацию – в режим сканирования! Ближняя связь на первом канале, аварийная частота на десятом!

Брилёв нащупал панель управления скафандром, включил рацию и выставил указанный канал:

– На связи!

– Принимаю тебя! – подтвердил боец.

– Абрек! – раздалось в эфире. – Реанимационный раствор, скорее! Есть кислородная подушка?!

Спецназовец обернулся, и полковник увидел инженеров. Двое из них катили к тоннелю груженные телеги, третий бежал к спецназовцам, следом за ним оставшаяся пара тащила на руках шестого, в котором полковник узнал начальника инженерного отдела.

– Что с ним? – Боец бросился к куче снаряжения и выдернул из нее очередной контейнер с реанимационно-медицинским набором.

– Отключился! – ответил подбегающий офицер. – Сильное облучение!

– Тащите его внутрь и снимайте скафандр! – Спецназовец рывками распечатывал контейнер. – Будем ставить капельницу! Капитан, держи подушку!

Он выдернул кислородную подушку, сунул ее инженеру и подхватил реанимационный контейнер. Оба ринулись вглубь тоннеля, следом за затаскивающими туда майора офицерами. Начальника инженерного отдела уложили на грунт, поставили кислородную подушку и наполовину освободили от скафандра. Пока спецназовец укреплял на его руке блок капельницы, остальные вкалывали какие-то препараты и орудовали кислородной подушкой, оставшиеся два инженера докатили телеги до входа в тоннель. Они бросились было к майору, но увидели кипящую вокруг него сутолоку и остановились в нерешительности.

– Как это произошло? – Брилёв подошел к ним. – Он же был в скафандре и под антирадом. Остальные в порядке?

– Более-менее, – ответил один из инженеров, не сводя глаз с пытающихся реанимировать майора людей. – Когда рвануло, нас во все стороны раскидало. Мы у выхода стояли, ждали смотра, в скафандрах и экзоскелетах. Никто не пострадал, но потрянуло сильно, оклемались не сразу. Саныч первый поднялся и нас поднял. Аварийные системы не работают, бункер деформирован, переборки порвались, радиация растет, в воздухе едкий дым. Стало ясно, что бункеру крышка. Он сказал, что надо спасать людей, кого еще можно. Дыхательные аппараты на каждом аварийном посту расположены, их много уцелело, мы вышибли внешние люки и начали искать выживших. Оказалось, что от бункера почти ничего не осталось, пожар распространяется быстро, внутри оставаться нельзя, почти все выжившие без сознания, многие в крови и непонятно, что с ними. Нужны реанимационные аптечки, а они в лазарете. Мы туда... Но дойти не смогли. Там уже на подступах две тысячи рентген, и с каждым метром растет чуть ли не на сотню... И просто так не пройдешь, стены полопались, переборки рваные, пол покорежило... В общем, мы дошли до трех тысяч рентген, и Саныч отправил всех обратно. Приказал ждать и пошел один. Так один всю медицину оттуда и перетаскал. Сказал, что из медиков не выжил никто, от лазарета ничего не осталось, а от их склада осталась едва треть, поэтому уцелело не так много, как хотелось бы... Хорошо, что ваши бойцы обучены первой медицинской помощи, Саныч поручил им откачивать всех, кого вытаскиваем, все равно фотохромные комбинезоны проседают по радиационной защите. Потом мы сразу рванули выносить скафандры и оружие... Склады горят, мы взяли, сколько успели, потом боеприпасы взрываться начали, пришлось уходить. Еле ноги унесли. Как наружу выбрались, Саныч приказал все собрать, сказал, что надо осмотреть емкость с топливом, и упал...

– Твою мать! – чей-то голос в эфире перешел на трехэтажную ругань. – Нужно сделать укол адреналина в сердце! Абрек, там есть адреналин?! Должен быть, это же реанимационная аптечка!

– Не нужен ему адреналин, – хмуро перебил его спецназовец с позывным «Абрек». – Умер он.

Тело майора осторожно уложили у края стены, и подавленные инженеры принялись возиться с выжившими. Тех, кто пришел в сознание, одевали в скафандры, потом скафандры закончились, и люди молча переносили раненых от спецназовцев вглубь тоннеля. Через полчаса все, чем можно было помочь пострадавшим, было сделано, и Абрек подошел к сидящему на пустом медицинском контейнере Брилёву.

– Товарищ полковник, посмотрите на меня! – Он посветил ему фонарем в лицо. – Как вы себя чувствуете? Есть тошнота, сухость во рту, жжение в глазах?

– Пока нет, – угрюмо ответил полковник.

– Как вас по имени-отчеству? – неожиданно поинтересовался боец.

– Дмитрий Адамович.

– Спасибо вам, – черные глаза Абрека смотрели на него пронзительным взглядом. – От всех нас.

– За что? – не понял полковник.

– Вы вытащили нас из горячей зоны, – хмуро объяснил спецназовец. – И привели в чувство. Вы еле на ногах держались, но нас не бросили. А ведь найти в таком аду трехсотого в фотохромном комбинезоне не так легко. Могли бы просто уползти спасать свою жизнь.

– Вы спасли меня в поезде, я спас вас в бункере, – ответил Брилёв. – Мы в расчете.

– Нас было четверо, – твердо заявил Абрек, – а вы один. Это поступок настоящего мужчины.

– Одна жизнь на четверых не делится, – полковник по-отечески посмотрел на спецназовца. – Ты бы поступил так же, сержант.

– Я на контракте четвертый срок, – ответил боец. – Видел разных людей. Так бы поступили не все.

Он развернулся и посмотрел на остатки командного пункта. Горящий скомканный бункер был почти не виден в грязно-желтом дыму, заполнившем бункерную полость на три четверти. Химический дым был легче воздуха и поднимался вверх, благодаря чему в тоннеле его еще было немного, но бункер продолжал гореть, объем дымового облака рос, все сильнее заполняя бункерную полость. Вскоре нижняя граница дымной толщи сравняется с верхним сводом тоннеля, и едкая взвесь начнет проникать и сюда.

– Что нам теперь делать, товарищ полковник? – Абрек вновь посмотрел на Брилёва, и тот понял, что на него сейчас смотрят и спецназовцы, и инженеры, и еще два десятка военнослужащих в скафандрах высшей защиты, собравшихся у входа в тоннель. – Для нас все кончено?

– Не факт. – Брилёв вспомнил план начальника инженерной службы. Гибель такого опытного и грамотного специалиста – это серьезная потеря, но вообще это даже хорошо, что он погиб. Со строптивым майором было слишком много проблем, особенно с субординацией. Личный состав быстро бы понял, от кого на самом деле зависит их выживание, и полковник мог бы лишиться власти. А власть нельзя отдавать никому и ни в какой ситуации. Особенно сейчас, когда у кого власть, тот и распоряжается целевыми ресурсами. А вокруг Брилёва фактически чужие подчиненные, половина из которых видит сейчас полковника впервые. Нужно немедленно брать управление в свои руки, пока это не сделал кто-то другой.

– Мы еще можем побороться за жизнь, – заявил полковник. – В километре отсюда находится старая запечатанная шахта, выводящая на поверхность. Если она уцелела, то мы вскроем ее и выйдем наружу. Доберемся до складов Росрезерва, там есть все необходимое для того, чтобы добраться до «Подземстроя-1». Есть высокая вероятность, что он не пострадал. – Брилёв кивнул на инженеров: – По моему приказу инженерный отдел занимался отработкой этого плана непосредственно перед гибелью КП. Поэтому они в момент удара оказались полностью экипированными и готовыми к действию. Если бы не они, многие из нас остались бы там! – Он ткнул рукой в сторону шипящего пламенем бункера. – Так что шансы есть. Как только получу четкое представление о том, что у нас осталось, составлю план дальнейших действий.

Личный состав приободрился, и полковник отправил людей выяснять состояние выживших и наличие материальных средств. Вскоре оказалось, что он единственный старший офицер из всех уцелевших. Основную часть командного пункта, включая отсек управления, уничтожило мгновенно. В единственном сегменте, не погибшем сразу, размещался инженерный отдел, служба обеспечения, взвод охраны и относящиеся ко всему этому технические и складские помещения, быстро сожженные огнем. В общей сложности погибло более ста человек, еще двенадцать получили тяжелые ранения и без серьезной медицинской помощи вряд ли переживут интоксикацию антирада, до которой осталось чуть более четырех часов. Медиков нет, медикаменты на исходе, из оставшихся в живых наиболее обученными в этом плане являются его спецназовцы, и они уже сделали все что умели.

В итоге боеспособного личного состава в его распоряжении оказалось тридцать восемь человек, из которых без контузий были только четверо спецназовцев, являющихся опытными сержантами-контрактниками, и пятеро инженеров. Инженеры были молодыми, но толковыми офицерами в званиях до капитана включительно, и благодаря покойному майору дело свое знали. Помимо них имелось несколько мелких технических специалистов из службы обеспечения, остальные особой пользы не представляли. Разве что контрактники из взвода охраны были неплохо обучены работе со штурмовыми комплектами, что позволяло использовать их в качестве тягловой силы, пока не сядут аккумуляторы экзокорсетов, а после того, как сядут, – в качестве носильщиков. Самих штурмовых комплектов в его распоряжении оказалось восемнадцать штук плюс контейнер с запасными батареями, которых хватит на трое суток. Тяжелого оружия не имелось, стрелкового набралось два десятка единиц, не считая вооружения спецназовцев и инженеров. Со скафандрами дела обстояли несколько лучше, их имелось три десятка, что было больше, чем стоящих на ногах людей, но в итоге выходило, что раненые остаются без средств защиты.

Но тут выяснилась главная проблема: в его распоряжении не имелось ничего, что позволило бы безопасно перенести интоксикацию и обязательный после нее восстановительный период. Иными словами, через четыре часа их всех тут скрутит пополам, и кто после этого доживет до следующего приема антирада – непонятно. Зато абсолютно понятно, что если интоксикация застанет их на поверхности, то до следующего приема антирада не доживет никто. Эта информация выбила Брилёва из колеи, и в тот момент ему с трудом удалось не поддаться нахлынувшей панике. Он упорно искал способы выжить, но по всем расчетам выходило, что их нет. Радиоактивный фон слишком высок для того, чтобы находиться в нем без антирада. Без препаратов за сутки радиация убьет всех даже в скафандрах высшей защиты. Если пойти на передозировку и принять антирад сразу по истечении первого цикла, то есть через четыре часа, то в его распоряжении суммарно будет двенадцать часов. Что фактически ничего не дает, потому что неизвестно, сколько времени потребуется, чтобы добраться до ведущей на поверхность законсервированной шахты, запустить лифты, вскрыть замурованный выход наверх и добраться до складов Росрезерва, до которых почти двадцать километров. Вряд ли на все это хватит времени. Более вероятно, что второй цикл антирада закончится где-то на полпути, и это конец. Можно решиться на третий цикл подряд, но это гарантированное повреждение внутренних органов, которое можно не пережить.

– Товарищ полковник, – зам погибшего начальника инженерного отдела подошел к лихо-радожно размышляющему Брилёву, – больше ждать нельзя, скоро дым начнет поступать в тоннель. Отсюда надо уходить.

– Уходить? – Тихо паникующий полковник с трудом удержался от перехода на крик. – Куда?!

– В шахту, – инженер кивнул куда-то в зияющее темнотой чрево тоннеля. – Если она уцелела.

– И что потом? У нас осталось менее четырех часов! Выходить на поверхность бессмысленно, у нас нет средств для пережидания интоксикации. Предлагаете идти к Росрезерву под передозировкой?

– Нет, – инженер опасливо покосился на заполняющий бункерную полость океан желтого дыма, опускающийся все ближе к тоннелю. – Если шахту не засыпало, мы закупоримся в ней. Там уровень радиации будет меньше, может, ее не будет вообще. Но это если успеем закупориться до того, как дым пойдет в тоннель, потому что с дымом туда начнут поступать горячие радиоактивные вещества.

– Что вы предлагаете? – Брилёв понял, что у инженеров есть план, и мгновенно взял себя в руки. Их разговор идет в ближнем эфире, его слышат все, кто в скафандрах.

– Дойти до шахты и первым делом закупориться в ней, насколько это возможно. Переждем интоксикацию. Дождемся следующего цикла и попробуем вернуться сюда за топливом.

– За топливом? – Полковник бросил взгляд на скомканный бункер. – А от него что-то осталось?

– Не знаю, – неуверенно ответил офицер. – Вообще цистерна хорошо защищена, там подпружиненный каркас, двойная термоизоляция и собственная автономная система пожаротушения. Система не сложная, поэтому надежная, электроники почти нет, срабатывает при повышении температуры термоизолятора сверх расчетной. Если цистерну не раздавило в момент взрыва, то могла и уцелеть. Она же в нашем сегменте находится, на один уровень ниже входа. Только сейчас туда не подойти, горит все. Надо ждать, когда пожар закончится.

– Оно сгорит к этому моменту вместе со всей своей системой безопасности.

– Может, и нет, – возразил инженер. – Бункерная полость оказалась замурована под землей еще после первого попадания. Сейчас концентрация продуктов горения растет с каждой минутой, а содержание кислорода падает. Я думаю, часов через пять весь кислород выгорит, и пожар прекратится.

– То есть в шахте кислород тоже выгорит, – понял Брилёв. – Автономный запас скафандров рассчитан на сутки. Вы уверены, что нам его хватит?

– Не хватит, – подтвердил инженер. – Но если мы загерметизируемся в шахте, то сможем его сберечь и дышать через внешние фильтры воздухом, который сейчас есть в шахте сам по себе. Оборудование у нас есть, все, что мы подготовили для осмотра шахты перед попаданием, было собрано у выхода и уцелело.

– Тогда сделайте это! – Полковник поднялся с пустого контейнера и повысил голос: – Всем остальным – общее построение! Уходим к старой шахте!

Люди собрались быстро, Брилёв разбил личный состав на команды, назначил старших и распределил обязанности. Покойный майор заранее предусмотрел для телег возможность передвигаться по рельсам, с помощью экзоскелетов их установили на пути, погрузили раненых и отправили следом за инженерами. Остальные выжившие навьючились тем, что было спасено из огня, и вереница нагруженных людей в скафандрах высшей защиты потянулась вглубь освещаемого нашлемными фонарями мрачного тоннеля.

Идти по тоннелю было трудно и страшно. Лучи света выхватывали тянущиеся по стенам и потолку глубокие трещины, сверху то и дело сыпались струйки земляного крошева, на путях часто попадались обломки обделки потолочного свода. Приходилось останавливаться, очищать рельсы и двигаться дальше. В итоге двигались медленно, и каждую минуту Брилёв ожидал увидеть перед собой глухой завал, навсегда запечатывающий его в каменной могиле на глубине в полтора километра.

Когда добрались до старой шахты, по тоннельному потолку уже струились потеки грязно-желтого дыма, и в воздухе медленно разливалась плохо уловимая в темноте муть. Вход в шахту оказался перекрыт толстостенной бетонной плитой, и инженерная команда срезала с ее периметра стопорные замки. Плиту удалось отодвинуть, за ней обнаружили железнодорожные ворота и недлинный боковой тоннель, ведущий непосредственно к шахте и установленной в ней грузовой лифтовой платформе. Радиационный фон в старом тоннеле оказался минимален, но дым из тоннеля уже проникал сюда, и показания дозиметра быстро росли. Пока инженеры запирали и герметизировали ворота, уровень радиации вырос до опасного значения, и стало ясно, что находиться с открытыми шлемами или вовсе без скафандров целые сутки тут нельзя. Тогда старший инженерной команды предложил запустить лифт, погрузиться на лифтовую платформу и подняться на ней на безопасную высоту.

– Глубина шахты полтора километра, – объяснил он. – На этой протяженности должно быть где-то безопасное место. Дым горячий, он частично останется здесь, под потолком, частично уйдет вверх по шахте. Потом остынет, и радиоактивные осадки выпадут вниз. Плат-

форма открытая, что-то на нее, конечно, попадет, но это не так много. Мы поднимемся вверх до высоты, на которой можно снять скафандры хотя бы для того, чтобы по нужде сходить. Может, вообще к самому выходу на поверхность поднимемся.

Но воплотить в жизнь его предложение оказалось невозможно. Законсервированные электродвигатели лифтовой системы были в исправном состоянии, но собственных аккумуляторных емкостей у них не имелось, и питание осуществлялось от общей сети железнодорожного тоннеля. При консервации шинопровод в районе бетонной плиты был частично демонтирован, что полностью обесточило шахту, но это ничего не меняло, потому что энергообеспечение тоннеля сдохло с началом обмена ударами. Спасло то, что шахта строилась и эксплуатировалась полвека назад, когда в стране еще хватало углеводородов. Инженерная команда два часа билась над решением проблемы, ковыряясь в застрявших механизмах шахты, после чего зам покойного майора, капитан Миронов, обрисовал едва ли не катастрофическое положение дел:

– Тут предусмотрена система аварийного питания на дизель-генераторе безмасляного типа. Он вроде рабочий, но топлива нет. Придется ждать, когда за топливом пойдем.

Все прекрасно понимали, что если топлива не будет, то тут все и останутся, но другого выхода не было, и полковник приказал готовиться к интоксикации исходя из того, что есть. В дальнем углу бокового тоннеля отрыли яму под отхожее место, людей разместили рядом с дизель-генераторами, где радиационный фон был ниже всего, скафандры перевели с замкнутого цикла на режим дыхания через внешние фильтры.

– Хотя бы кислород здесь есть, и то хорошо, – этими словами капитан инженерной команды завершил доклад об окончании подготовки.

Полчаса все провели в ожидании, а потом начался тот еще ад. Ранее Брилёву принимать антирад не приходилось, и приступ интоксикации он принял за предсмертную агонию. Жесткие судороги в мышцах, сменяющиеся тяжелой удушливой рвотой, острая ломота в суставах, резь в глазах, температура под сорок, снова судороги и рвота... Полковник хрипел и бился в конвульсиях посреди десятков таких же страдающих людей, катающихся от жестокой боли в лужах рвотных масс, и мечтал только об одном – скорее умереть. Жуткие страдания вышибли из головы вспыхнувший поначалу животный страх перед смертью, но вскоре и это желание утонуло в бессвязном бреде, невыносимом жаре, сжирающем мозг, и непрекращающихся вспышках боли по всему телу. В какой момент все это перешло в свинцовое душное беспамятство, он понять не смог.

Очнулся Брилёв через пять часов от ощущения жестокой жажды. В освещенном парой химических фонарей полумраке медленно передвигались какие-то силуэты, кто-то стонал и просил пить, но большинство людей неподвижно лежали вокруг. Окружающее пространство было подернуто пылью, перемещавшейся вместе с поворотом головы, и полковник понял, что кто-то надел на него шлем, снятый по рекомендации спецназовцев за пять минут до интоксикации. Брилёв нащупал губами патрубков встроенной в скафандр фляги и принялся жадно пить.

– С водой экономнее, товарищ полковник, – окружающий полумрак прорезал луч фонаря, и полковник увидел рядом расплывающийся силуэт Абрека. – Другой воды у нас нет, только та, что в носимом запасе скафандров. С едой то же самое.

Заставить себя оторваться от водной трубки сразу не получилось, и индикатор на внутренней поверхности лицевого щитка опустился до отметки в пятьдесят процентов.

– Ешьте, – Абрек протянул ему стандартный пластиковый пакетик походного рациона. – Уже разогрето.

Брилёв распахнул шлем. В воздухе ощущалась кислая вонь рвотных масс, но обессиленный организм требовал пищи, и притупленное голодом сознание почти не реагировало на тошнотворный запах. Полковник взял протянутый пакетик, сорвал пломбу, запечатывающую

питьевое отверстие, и в несколько глотков выпил питательную смесь. Чувство голода не уменьшилось ни на миллиметр, и он попытался вытряхнуть из пакетика все до капли.

– Голод сейчас пройдет, – Абрек забрал у него пустую емкость, смял ее в комок и вышвырнул куда-то в темноту. – Надо подождать минут пять. Шлем закройте. Фон больше не растет, но без защиты лучше не находиться.

– Это был ваш паек? – запоздало понял полковник, захлопывая лицевой щиток. – А как же вы?

– У нас носимый запас больше, – ответил Абрек. – Одну порцию можем отдать, не проблема. Но лучше лишний раз не двигаться, так еды требуется меньше. Если по нужде не надо, то спите.

Спецназовец улегся неподалеку и выключил фонарь. Через несколько минут голод прошел, и Брилёв заснул с мыслью о том, что это не последняя его интоксикация. В нормальных условиях человека, принявшего антирад, укладывают в биорегенератор и проводят полный перечень необходимых медицинских процедур. Насколько он знал, это проходит безболезненно или почти безболезненно, зависит от того, сколько времени осталось до окончания цикла. Но в любом случае люди не испытывают таких мучений. Он должен выжить и оказаться в «Подземстрое». Любой ценой и как можно скорее. Его психика всегда была чувствительна к боли и этих страданий долго не выдержит.

В тот момент он еще не знал, что ему предстоит испытать дальше, и потому посчитал, что сутки до следующего цикла антирада прошли тяжело. После интоксикации сильно хотелось пить, и носимый запас воды быстро закончился у всех. Один из контрактников службы обеспечения, получивший во время гибели КП сотрясение мозга, умер во время судорог, несколько раз ударившись головой о бетонный пол. Из двенадцати тяжелораненых семеро не перенесли интоксикацию и умерли в мучениях, еще трое скончались без воды через несколько часов. Оставшихся двоих одели в скафандры, которых теперь хватало на каждого выжившего, но вскоре у обоих начали проявляться признаки радиоактивного поражения, и их пришлось частично раздевать, чтобы поставить капельницы с реанимационным раствором. Абрек, являвшийся старшим группы спецназа, сказал, что это вряд ли поможет, тем более что реанимационный раствор остался всего один и придется делить его на двоих.

Через час возникла еще одна проблема. Индивидуальный суточный рацион, которым были укомплектованы скафандры, каждый тратил, как хотел, следить за этим не было ни смысла, ни возможности, слишком темно. Когда спецназовцы пошли снимать с тяжелораненых капельницы, оказалось, что кто-то, воспользовавшись темнотой, сломал подсумки с носимым запасом на скафандрах раненых и вытащил оттуда упаковки с питательной смесью. Выяснить, кто это сделал, не удалось, и люди начали с подозрением коситься друг на друга. Потом шахту начало мелко трясти, из трещин на потолочном своде посыпалась пыль, и минут тридцать все лежали вдоль стен в ожидании обрушения. Затем капитан Миронов не особо уверенно заявил, что этот удар был нанесен вдали от бункера, и вообще не факт, что это был удар, может, землетрясение, вызванное множеством термоядерных взрывов. Впоследствии тоннель дрожал еще трижды, и все с плохо скрытым страхом смотрели, как из шахты на лифтовую платформу сыплется земляное крошево и падают мелкие куски грунта. Инженеры утверждали, что в конструкцию лифтовой системы заложен запас прочности и гибкости, позволяющий без последствий переносить подобные колебания, и лифт не должен выйти из строя, раз шахту не сплющило двумя пришедшими по КП ядерными ударами. Всем отчаянно хотелось в это верить, но к исходу двадцатичетырехчасового интервала между циклами антирада Брилёв чувствовал себя на грани.

Потом интервал истек, инженеры отправились вскрывать ворота, и все приняли антирад. Оба тяжелораненых к тому моменту не приходили в сознание вот уже несколько часов и само-

стоятельно принять препарат не могли. Влить им препарат вместе с водой было невозможно – воды не осталось, в итоге спецназовцы вложили капсулы с антирадом раненым в рот.

– Может, капсулы растворятся, – Абрек не скрывал сомнения. – И препарат всосется через слизистые рта. Других способов я не вижу.

Вскоре в эфир вышел капитан Миронов и сообщил, что ворота готовы к открытию, поэтому все должны перейти на автономное кислородное обеспечение. Едва металлические створы начали распахиваться, через них повалили густые клубы желтого дыма, и небольшой тоннель шахты утонул в едком тумане. Видимость резко упала, радиационный фон скакнул вверх. В основном тоннеле радиации оказалось еще больше, и покрытые слоем радиоактивной пыли рельсы в лучах фонарей не отбрасывали даже тусклых бликов. Пока личный состав возился с установкой на рельсы самодельных телег, Брилёв заметил опасно жмующихся позади всех спецназовцев и вспомнил о слабой радиационной защите фотохромных комбинезонов.

– Группа спецназа остается возле раненых! – приказал он. – Остальному отряду начать движение!

Инженеры ушли на разведку местности, солдаты в экзоскелетах впряглись в телеги, и все двинулись в сторону КП. За прошедшие сутки осыпавшихся с потолочных сводов обломков прибавилось, и в нескольких местах рельсы пришлось расчищать заново, но по-настоящему серьезных обвалов не случилось, и километр путей остался позади достаточно быстро. Бункерная полость оказалась заполнена сизо-желтым дымом, пожар закончился, и в темноте закопченный до черноты рваный металл смятого в комок бункера был трудноразличим даже в свете фонарей. От аварийного трапа не осталось ничего и добраться до расположенного на четырехметровой высоте входного люка оказалось невозможно. Инженеры заявили, что прорежут проход через оба корпуса, все равно топливная цистерна расположена гораздо ниже входа, и так до нее ближе. С этим они возились больше часа, потом еще полчаса лазали внутри, и их переговоры в ближнем эфире наполовину состояли из матерной ругани. В конце концов инженеры добрались до цистерны, и капитан Миронов вышел на связь:

– Цистерна уцелела! Мы ее не сразу нашли, здесь все выгорело, коридоры и помещения сильно деформированы, кругом копоть и дым, в темноте все сливается, трещин и разрывов не видно. А тут еще цистерну вытолкнуло в складскую полость, так конструкцией предусмотрено: при сильной деформации ее выталкивает из гнезда, как двигатель на машине при лобовом столкновении, чтобы не лопнула. Кожух термоизолятора порван, но система пожаротушения сработала, видимо, это и спасло. Сейчас будем бочки искать, там, где мы их оставляли, ничего нет. Весь склад всмятку...

– В системе пожаротушения осталась вода? – перебил его Брилёв. – Вода нужна позарез!

– Система порошковая, – невольно сглотнул инженер. – Нет там воды. Тут вообще ничего нет. Только выгоревший хлам.

Следующий час ушел на поиск бочек, обнаружить удалось полтора десятка различных металлических емкостей, но все они были сильно помяты и вследствие деформации не закрывались. Пришлось вручную изготавливать крышки и заваривать местами порванные корпуса. Полностью восстановить удалось только восемь емкостей, потом возились с их наполнением и размещением на телегах. Помятые корпуса уложили друг на друга, скрепили точечной сваркой и для надежности приварили к самим телегам. Потом двигали получившиеся конструкции к тоннелю, ставили на рельсы, катили к шахте... В итоге, когда отряд оказался у лифтовой платформы, до окончания цикла антирада вновь оставалось четыре часа. К этому времени оба тяжелораненых умерли от радиации, спецназовцы перетащили трупы подальше от лифтов и сидели в углу, забившись в наименее радиоактивное место.

– Фон сильно вырос, – мрачно произнес Абрек, заканчивая доклад о гибели раненых. – Интоксикацию здесь не пережить. Пока будем без сознания, передохнем от радиации, как

они. И если даже поднимемся на лифтовой платформе на безопасное расстояние, то все равно выживут не все. У нас нет воды, без воды интоксикацию за сутки не перенести.

– Что вы предлагаете? – В памяти мгновенно всплыли недавние мучения, и по спине полковника пробежал холодок страха.

– Надо выбираться на поверхность, искать технику и уходить к складам Росрезерва.

– Мы не успеем сделать это за четыре часа без передозировки! – возразил Брилёв.

– Пойдем с передозировкой, – подтвердил Абрек. – До танкистов пять километров, от них до Росрезерва еще двадцать. Если найдем технику, успеем. Если не успеем – то все равно умирать. Но шансы добраться есть. А там вода, продовольствие, медикаменты. Может, даже нет радиации. Одну передозировку пережить можно, это не всегда смерть. В «Подземстрое» есть врачи и биорегенераторы, доберемся дотуда – вылечат.

Долго обдумывать предложение спецназовца не было смысла. Еды нет, людей и самого полковника мучает жажда, интоксикацию в таких условиях не пережить. Хронометр показывает полдень четвертых суток, обмен ударами не может продолжаться так долго, судя по обстановке, существовавшей на момент гибели КП, противоборствующие стороны должны были истратить свои арсеналы еще вчера. Но шахту продолжает периодически трясти, значит, ядерная война вызвала смещения земной коры, и в любой момент лифтовая система может деформироваться до нерабочего состояния. Если уже не деформировалась. С каждым часом шансы остаться здесь навсегда увеличиваются.

– Согласен, – Брилёв покосился на остальной отряд. Все молча слушали эфир, не сводя с полковника взглядов. – Инженерной команде приступить к расконсервации лифтовой платформы! Будем выходить на поверхность!

Дизель-генератор удалось запустить не сразу, но спустя два часа лифтовая система все же ожила. Отряд погрузился на платформу, и капитан Миронов, перекрестившись, утопил кнопку на панели управления. Раздался лязг подвижных частей, взвыли лебедки, сбрасывая с себя облака пыли, платформа вздрогнула и поползла вверх, медленно набирая скорость.

Подъем был долгим, нервным и темным. Штатное освещение платформы плохо перенесло консервацию, заработала лишь одна лампа, и толка от наשלемых фонарей было больше, чем от нее. Несмотря на большую глубину, ствол шахты успел заполниться дымом, и в воздухе висела желтоватая муть, концентрация которой возрастала по мере приближения к поверхности, из-за чего видимость ухудшилась еще сильнее. Все пытались смотреть вверх, но лучи фонарей не пробивались дальше пары десятков метров, и неожиданно выскакивающие оттуда металлические сетки защитных перекрытий заставляли Брилёва невольно вздрагивать. По мере приближения лифтовой платформы сетки сворачивались, стряхивая с себя насыпавшееся земляное крошево и мелкие куски грунта, все это сыпалось на платформу, и люди старались стоять в ее центре, прижавшись к телегам с бочками. Несколько раз механика не срабатывала, перегораживающие ствол шахты сетки не сворачивались, и инженеры останавливали платформу за полтора метра от них. Приходилось сидеть на корточках, пока они сращивали оборванные тросики системы натяжения или сворачивали сетки вручную.

Платформа продолжала подъем, но шахта вновь начинала дрожать, и механизмы скрежетали с леденящим душу скрипом, словно в следующую секунду все развалится, и лифт рухнет вниз с огромной высоты. Через несколько секунд вибрации и душераздирающий скрежет прекращались, чтобы спустя минуту начаться вновь. К тому моменту, когда платформа достигла верхней точки, Брилёва била мелкая нервная дрожь, взмокла спина и дрожали руки. Выходные ворота были отключены от питания, и их пришлось открывать вручную. Минут пятнадцать инженеры срезали стопорные замки и возились с подвижным механизмом, потом створы ворот все-таки удалось отодвинуть. За ними неожиданно оказалось довольно светло, хотя выход из шахты должен был располагаться в подземном ангаре, закатанном сверху асфальтом, на котором возведен ложный объект. Отряд выбрался из лифта, и первое, что бросилось

в глаза, был зияющий в потолке пролом с грудой обломков под ним. Выяснилось, что ложный объект разможило воздушным ядерным взрывом вдребезги, а местность наверху превратилась в сплошное месиво из обугленных обломков леса и засыпавшей их радиоактивной пыли. Фон мгновенно подпрыгнул за тысячу рентген, но ворота, запирающие ведущий наверх пандус, оказались заблокированы снаружи завалом, и на расчистку выхода ушел еще час. К тому моменту, когда отряд оказался на поверхности, до интоксикации оставалось сорок минут, и вся надежда была на то, что за время передозировки антирада они действительно успеют добраться до Росрезерва.

Увидеть вокруг то, во что превратился мир, не ожидал никто. Ни строений, ни леса, ни неба, лишь бескрайний океан пылевой взвеси, покрывающий такое же бескрайнее море раздробленных в хлам обломков. Видимость – метров двадцать, связь цепляет немногим дальше, вечерний сумрак в три часа дня плюс четыре градуса посреди первого сентября, навигации нет, спутников нет, компас не работает, зато дозиметр показывает две с лишним тысячи рентген в час. Людей захлестнула молчаливая паника, не переросшая в активную только из-за того, что жажда выжить оказалась сильнее. Пока инженеры со спецназовцами привязывали карту к местности, лихорадочно разбираясь со способами ориентирования на местности при отсутствии компаса и навигации, прошло еще десять минут, и нервы у полковника едва не сдали. Но выход из положения все же был найден.

– Пойдем по гироскопу, – доложил капитан Миронов. – У нас было две точно известных позиции на карте: КП и старая шахта. До танковой части пять километров, не так много, должны дойти, не сбившись. Там привяжемся по трем точкам, это будет полноценная привязка. Главное дойти.

Пять километров шли два с лишним часа. Телеги не могли катиться по поверхности, превратившейся в хаос из всевозможных обломков, и дорогу перед ними приходилось выравнивать, отодвигая крупные обломки и втапывая в пыльное месиво мелкие. Место, еще недавно бывшее законсервированной танковой частью, едва не прошли мимо, не найдя в океане пыли ничего похожего на строения. Но тут кто-то из спецназовцев заметил в стороне торчащую из земли грудку искореженного металла, которая при ближайшем рассмотрении оказалась смятым в полулепешку танком. Танк раздавило, словно таракана сапогом, и его остов выпирал из толщи развалин, словно сгоревшее дерево. Рассчитывать найти что-либо работоспособное на поверхности было бессмысленно, но согласно штабным данным, у танкистов имелись подземные ангара, и искать надо было именно их. Как это сделать в условиях сплошных завалов, Брилёв не представлял, но на этот раз удача оказалась на его стороне.

Подземный ангар обнаружился неподалеку, его нашли почти сразу, в ходе прочесывания местности по крупному пролому в земле. Через пролом спустились в полузасыпанную часть ангара, из которой удалось пройти в уцелевшую. Когда лучи фонарей высветили из темноты тяжелую инженерную машину-путепрокладчик, капитан Миронов издал нездоровый вопль и бросился к ней, скользя по пыльному бетонному полу. Другой строительной техники в уцелевшей части ангара не оказалось, обрушение не коснулось всего шести стояночных площадок, на которых обнаружили дизельные БМП старого образца. Находящегося в ангаре НЗ с техническими жидкостями хватило для реанимации только двух машин, но это было огромной удачей уже само по себе. Подгоняемые инстинктом выживания люди вкалывали как проклятые, и через сорок минут техника была на ходу.

– Воды нигде нет, – хмуро доложил Абрек под рев только что запущенного дизельного двигателя. – Только тосол. Боекомплекта тоже нет, наверное, вывезли при консервации. Повезло, что масла в НЗ оставили. У них срок годности давно истек, – он посмотрел на трогательный с места путепрокладчик, – но вроде работает. Мы привязали карту, надо выбираться отсюда, пять часов до интоксикации, фон сумасшедший... – он бессильно скривился.

– Бери своих людей и занимайте места экипажей БМП, – приказал Брилёв. – У вас анти-радиационная защита хуже, чем у остальных, поэтому машины без команды не покидать.

– Есть! – Абрек заметно посветлел и направился к БМП, созывая своих бойцов.

Путепрокладчик выкопался из ангара минут за двадцать, следом вышли БМП, и Брилёв распределил людей по машинам. Почти четыре десятка человек согласно ТТХ в трех таких машинах не разместить, но у жажды выживания свои правила. Люди уплотнились, и мест хватило всем. Сам полковник разместился в десантном отсеке путепрокладчика, за рычагами которого сидел капитан Миронов. Поначалу Брилёв хотел сидеть в кабине рядом с водителем, на месте старшего машины. Контуженный локоть вновь начал мучить его ноющей болью, и хотелось ехать хоть в сколько-нибудь комфортном положении. Но в отличие от штабного и прочего привычного транспорта, место рядом с водителем оказалось местом оператора многочисленного оборудования, и пришлось уступить его одному из инженеров. Не проблема, сейчас главное – выжить, остальное неважно.

Тем более что шансы выросли. Миронов доложил, что карта теперь привязана к местности надежно, курс к Росрезерву проложен заранее, общий план складов имеется. Теперь все зависит от дороги. Полковник подумал, что с проблемой ориентирования на местности спецназ справился бы лучше, но они не знакомы с инженерной техникой, и поэтому решение Миронова отменять не стал. Путепрокладчик взревел мощным дизелем и принялся пробивать дорогу через поле засыпанных радиоактивной грязью обломков. Следом поползли БМП, и Брилёв сверился с показаниями дозиметра. Внутри боевой машины уровень радиации был ниже почти в пять раз, и он впервые с момента гибели КП почувствовал себя увереннее. Полковник решился на несколько секунд расстегнуть скафандр и добраться до лежащего в форменном кармане обезболивающего. Без воды жевать горькую химическую дрянь было тяжело, очень хотелось пить, слюна выделялась слабо, и препарат долго не начинал действовать. Терпеть боль всегда было для него пыткой, и он успокаивал себя мыслями о том, что теперь осталось недолго.

До Росрезерва двадцать километров, превратившаяся в радиоактивное месиво окружающая местность оказалась путепрокладчику вполне по силам, колонна двигалась со скоростью порядка десяти километров в час. Итого на месте будем через два часа, до интоксикации останется еще два с половиной, запас есть. Склады подземные, вход в них придется раскапывать, но если в том районе все так же, как в этом, то долго рыть не придется. Ядерные взрывы размозжили все наземные постройки до состояния строительного мусора и разровняли его по земле неровным слоем. Для мощного путепрокладчика пара метров завалов не проблема. Склады Росрезерва – это стратегический объект, они размещены вне города в относительно безлюдной местности, высота обломков над ними не должна быть слишком большой. А вот во что теперь превратились города и мегаполисы, можно только предполагать. Но и так понятно, что спасательная операция в Москве отменяется, тут бы самим выжить. Впервые с момента гибели КП Брилёв подумал об оставшейся в столице семье и понял, что испытывает противоречивые чувства.

Отношения с женой давно уже были не сахар, за последние десять лет ее манера истерить по любому поводу и выносить ему мозг вообще без повода вымотала его сверх всяких границ. Если раньше, по молодости, он воспринимал это как неизбежное зло, с которым придется смириться, если хочешь иметь отношения с женщиной, то с тех пор прошло слишком много времени, и все это его бесконечно утомило. Можно было бы развестись, но это пагубно отражается на карьере. После штаба РВСН Брилёв метил в Генеральный Штаб, и чем безупречней была репутация, тем лучше. Сейчас, когда все полетело в ад, он с удовольствием забудет эту старую разжиревшую стерву, даже если окажется, что ее успели эвакуировать. Пусть сидит в московском бомбоубежище в полной уверенности, что овдовела. Спасти бы дочь... Дочь Брилёв любил, несмотря на унаследованную ею от матери истеричность и повышенную нервозность. Все-таки его плоть и кровь, и внешне она на него похожа, на детских фото и вовсе вылитый

отец, особенно благородный каштановый цвет глаз. Остается надеяться, что дочери удалось спастись. Но шансы на это лучше не подсчитывать.

Внезапно начался сильный ветер, быстро переросший в настоящий ураган, и по броне путепрокладчика забарабанили камни. Миронов доложил, что видимость упала до нуля, и прекратил движение. Двадцать минут страдающие от жажды люди молча следили за истекающим сроком действия антирада, и нервное состояние полковника снова усилилось. Он даже потребовал у Миронова оценки возможности продолжать движение сквозь ураган, но это оказалось невозможным. Из кабины не было видно ничего, кроме бушующего за бортом океана радиоактивной пыли вперемешку с золой и грунтом. Потом ураган закончился так же внезапно, как начался, и колонна продолжила движение. От постоянной тряски к ноющему локтю прибавилась головная боль, и полученная контузия напомнила о себе. Брилёв принял еще одну таблетку обезболивающего, но вместо облегчения получил лишь химическую горечь в пересохшей полости рта. Терпеть было невыносимо, и, чтобы отвлечься, он пробовал вести наблюдение за окружающей местностью через зрительные приборы десантного отделения. Но это не помогло никак, страдающая от болевых ощущений нервная система начала не выдерживать навалившихся на полковника мучений, и он решился вколоть себе противошоковый препарат. Оказалось, что в медицинском пенале его скафандра наркотическое обезболивающее отсутствует, и Брилёв вызвал на связь Миронова, собираясь остановить колонну. Противошоковое должно быть у спецназовцев, нужно вызвать сюда кого-нибудь из них.

– Капитан Миронов! – произнес в эфир Брилёв, с трудом сдерживая нервный тремор.

– На связи! – откликнулся инженер.

– Где мы находимся? Сколько еще до Росрезерва?

– Мы где-то в заданном районе, товарищ полковник! Вокруг бетонных и кирпичных обломков стало больше, чем древесных, и уровень радиации растет. Похоже, по складам нанесли удар.

– Конечно, нанесли, – полковник скривился от пульсирующей боли. – Это же стратегический объект. Но склады зарыты под землю, на поверхности была расположена только вспомогательная инфраструктура. Воздушный ядерный удар они выдержат. Ищите место входа согласно наложенной на карту местности схеме объекта. Абрек, ответь Брилёву. Абрек – Брилёву!

– Абрек на связи.

– Мне нужен противошоковый укол, – сквозь зубы выдавил полковник. – Что-нибудь осталось?

– Найдем. Капитан, останови колонну! Терек, давай к полковнику!

Путепрокладчик прекратил движение, и Брилёв нервно смотрел на десантный люк, ожидая появления спецназовца. Неожиданно в шипящем помехами эфире раздался прерывающийся голос:

– ...кто меня слышит? Помогите! Это ...зев! Нас ...лило обрушением! Мы на...ся в под...ных складах! Мы вас сл...шим! Пом...ите!

– Это со складов передают! – воскликнул Миронов. – Мы где-то над ними, раз связь цепляет!

Он принялся вызывать склады, ему ответили, и несколько минут инженеры выясняли обстановку. В десантное отделение путепрокладчика влез Терек, помог полковнику расстегнуть скафандр и вколол обезболивающее. Мучительная боль начала отступать, сознание немного помутнело и расслабилось. Брилёв вспомнил, что позывные двух других спецназовцев – Перс и Мангуст. Ни имен, ни фамилий бойцов он не знал, в тот день, когда ему передали их в качестве охраны, все четверо назвали звания и позывные, соблюдая установленный режим секретности. Теперь они считают, что обязаны ему жизнью. Удачно получилось, полезные люди...

Спустя несколько минут Миронов доложил результаты переговоров: по складам Росрезерва нанесли два удара с интервалом в десять часов. Один воздушный, второй контактный.

Первый уничтожил все, что имелось на поверхности, второй частично разрушил сами склады. Непосредственно удар пришелся с края, но этого хватило, чтобы порядка четверти складов сгорело в термоядерном огне, еще столько же раздавило обрушением. В силу большой территории объекта, вторая половина складов уцелела, но оказалась погребена под землей. Обрушение отрезало ее от первой половины, но не изолировало герметично. В уцелевшую часть объекта проникает радиоактивная пыль, фон растет с каждым днем, температура упала до плюс пяти, централизованные системы вышли из строя, нет ни освещения, ни отопления, ни связи. Из персонала выжило всего два десятка сотрудников, из которых треть получила радиоактивное поражение. Двое уже умерли, остальные при смерти. Кто-то из уцелевших сумел активировать аварийный радиопередатчик и с тех пор пытается звать на помощь.

Именно его они сейчас и слышали, потому что оказались практически над ним. Но передатчик находится в служебном помещении одного из складов, сам вход в подземную часть объекта расположен в пятистах метров южнее и представляет собой пологий автомобильный спуск, уходящий ниже уровня земли. Сориентировавшись на местности совместными с персоналом складов усилиями, инженеры определили местоположение входа, пробили к нему путь, и после еще два часа откапывали въезд всеми имеющимися средствами. С приближением ночи окружающий пылевой мрак сменился почти непроницаемой грязной темнотой, время до интоксикации стремительно истекало, люди находились на грани, и все буквально молились на инженерную команду и путепрокладчик. Если его оборудование откажет сейчас, то все погибнут в двух шагах от спасения. Потому что руками этот завал не разобрать и за сутки, а третья передозировка, на которую неизбежно придется пойти, чтобы не умереть прямо сейчас, наверняка сделает смертниками всех или почти всех.

Прорваться к воротам в склады удалось за четыре минуты до интоксикации. Еще две ушло на ожидание их открытия изнутри и перемещение внутрь. Полковник успел лишь увидеть кого-то из местных сотрудников и вместе с ними пройти внутрь какого-то помещения, за стенами которого радиационный фон еще не достиг опасного уровня. Интоксикация скрутила Брилёва самого первого, прямо на входе, и он рухнул, скрюченный судорогами и задыхаясь в приступе рвоты. Как он не сошел с ума от жесточайших страданий, осталось загадкой. Таких запредельных мучений Брилёв не испытывал никогда и даже не представлял, что ему может быть до такой степени больно. Нервную систему раздирало на части даже в полубессознательном состоянии, и от безвозвратного помутнения рассудка его спасло лишь заступничество Всевышнего, не иначе. В судорожных конвульсиях, горячечном бреде и нескончаемом океане боли Брилёв тонул почти шесть часов и еще двенадцать после этого провел в душном тяжелом забытии, лишенном снов, но не ощущения потока времени. Очнулся он самым последним из всех, остро ощущая надвигающуюся смерть от жажды, и четко понял, что второй передозировки антирада не переживет ни его организм, ни его разум. К счастью, вода на складах имелась в достаточном количестве. Полковника отпоили, накормили и обрисовали сложившуюся обстановку.

Из его отряда интоксикацию не пережил один человек, его обезвоженный организм не выдержал наложившегося на контузию отравления, и спасти его было некому. Медицинской, технической и прочих служб на объекте не осталось, все они размещались в его наземной части и перестали существовать вместе с персоналом. Половина подземной части уничтожена, остальное отрезано обрушениями и потеряло герметичность. Все помещения испещрены трещинами, во многих местах смещение почвы выдавило фрагменты стен и полов, кое-где произошло частичное обрушение потолочных сводов. Восстановить герметичность, закупориться и отгородиться от внешнего мира невозможно, и спустя несколько суток радиационный фон внутри складов будет немногим меньше, чем на поверхности. Электричества нет, центрального освещения нет, водоснабжения нет, отопления нет – ничего нет, и уцелевшие живут за счет вскрытия стратегических запасов. Но из сохранившихся складов почти все были продовольственными, специально предназначенных для автономного использования энергоёмко-

стей нет, и выжившие взяли несколько аккумуляторов из резервного фонда, предназначенного для автомобилей уцелевшего ангара спасательной техники. На единственном частично уцелевшем складе материальных ценностей имеется пара биорегенераторов, но они поступили туда с завода, в упаковке и транспортировочном состоянии. Для их развертывания необходимы квалифицированные специалисты по медицинской технике, а для эксплуатации – медработники. Первых на складах не имелось вообще, из вторых не выжил никто. Уцелели лишь складские сотрудники, в основном женщины, и пара охранников. Технических специалистов не осталось, и вывести из консервации имеющуюся в ангаре спасательную технику никто не сумел.

В итоге решение добираться до «Подземстрой» осталось в силе как единственно верное, и отряд начал готовиться к маршу. Инженерная команда сразу заявила, что можно только предполагать, в каком состоянии находится вход в «Подземстрой», если даже здесь, в относительно безлюдной местности, все превратилось в сплошную свалку из обломков разможенной цивилизации. Без серьезной спасательной техники нельзя даже надеяться на спасение, и потому необходимо взять с собой все, что только может быть использовано для преодоления завалов и разбора масштабных разрушений. Из ангаров для хранения транспорта уцелел только один, но спасательной техники в нем оказалось достаточно, и инженерная команда вместе с конструкторами техслужбы приступила к ее расконсервации. В итоге с собой забрали все: трактор с ковшом, тягач с отвалом и грузоподъемной стрелой, мощную промышленную землеройку, самосвал и грузопассажирский вездеход с медицинским модулем. Имелось еще с десятков крытых грузовиков и вездеход на воздушной подушке старого образца. Но с воздушной подушкой возникли проблемы, вездеход не заводился, да и по расстилающемуся на поверхности месиву обломков он не пройдет, поэтому его оставили на месте. Из грузовиков взяли два, в них загрузили запасные аккумуляторы, благо вся техника была на электрической тяге, и энергобатарей к ней имелось много. По этой причине аккумуляторы с оставшейся техники решили не снимать. Если «Подземстрой» потребуется продовольствие, сюда придется возвращаться, и грузовики еще пригодятся.

К исходу суток все, что можно было сделать имеющимися силами для подготовки к маршу, было сделано. Запас воды и продуктов погружен, в местном хранилище противорадиационного снаряжения обнаружился антирад, специализированные скафандры и самое ценное – противорадиационные палатки «База-2М», позволяющие разбить лагерь посреди радиоактивной местности. Находящихся в тяжелом состоянии сотрудников складов разместили в медицинском вездеходе, остальных распределили по технике и по максимуму загрузили оставшееся пространство. Отряд принял антирад и покинул разрушенные склады. На всякий случай Брилёв приказал закрыть ворота как можно плотнее и подпереть их крупными бетонными обломками. Если сюда придется возвращаться, то чем чище будут склады, тем лучше.

Двигаться пришлось через ночь, но ждать утра, затягивая собственное спасение, Брилёв не решился, и несогласных с этим не было. Колонна начала движение минута в минуту, едва истек минимально допустимый интервал между циклами антирада, и путепрокладочная техника принялась пробивать дорогу через накрытый ночным мраком океан обломков. Путь к «Подземстрою» прошел однообразно и дался Брилёву очень тяжело. Технику трясло на ухабах, поврежденный локоть болел, контуженная голова гудела, тело ныло, храня память о многочасовых судорогах. Температура за бортом упала до плюс двух, и внезапные ураганные ветра приносили вместе с камнями и зольным грунтом серые снежинки, быстро превращающиеся в радиоактивную грязь. Скорость движения то падала, то вновь возрастала, и свет прожекторов выхватывал из забортной тьмы одну и ту же картину: утопающие в океане пыли россыпи всевозможных обломков. За все время пути в поле зрения не попало ничего похожего даже на остов здания.

К шести утра шестых суток колонна прошла триста километров, и времени оставалось только на то, чтобы развернуть базу. Пока инженеры спешно подыскивали более-менее ровное

место, выяснилось, что кроме них и спецназовцев со спецпалатками никто не работал, и установить все три базы не хватает времени. Пришлось бросать все и разворачивать спецпалатки где придется, лишь бы успеть. Инженеры бросились ставить одну базу, спецназовцы вторую, остальные пытались помогать тем и другим, на ходу пытаясь понять, как это делается. Спаслись опять удалось в последнюю минуту, но почти шесть десятков человек в двух палатках уместились с трудом, и начавшаяся интоксикация превратила все в дьявольский кошмар. Все бились в конвульсиях прямо друг на друге, нанося окружающим удары сотрясающимися конечностями, многие были в крови, в воздухе висела густая тошнотворная вонь, мечущиеся в горячке люди катались в хлюпающих повсюду рвотных массах. От жуткой боли Брилёв потерял способность мыслить, его трясло в жестоких судорогах, потом кто-то из конвульсирующих рядом солдат задел его ногой по голове, все взорвалось болью, и наступила поистине спасительная потеря сознания.

Очнулся он около полуночи, снова позже всех, и смог лишь вяло порадоваться этому обстоятельству. Палатку уже очистили, как смогли, фильтровентиляционная установка была запущена на максимум, но кислая рвотная вонь уже въелась в ноздри и не вызывала тошноту. Разместившиеся в соседней палатке инженеры сообщили, что находившиеся в тяжелом состоянии люди не перенесли интоксикации и умерли почти сразу. Остальные потери составили две женщины из числа гражданского персонала. Обе сотрудницы складов были немолоды, их организмы не справились с отравлением антирадом. Среди остальных много ушибов и гематом, у кого-то обострилось сотрясение мозга, полученное во время гибели КП. В палатке полковника ушибов и гематом было меньше, но без смертей тоже не обошлось. Погибло двое контрактников из службы обеспечения: первый был сильно контужен и не пережил интоксикацию, второй умер от черепно-мозговой травмы. Перед интоксикацией не все солдаты успели снять штурмовые комплекты, и беднягу убило произвольным ударом руки, оснащенной усилителем конечностей. К утру все выжившие более-менее пришли в норму, но одна только мысль о том, что подобный кошмар повторится всего лишь через семь с половиной часов, приводила Брилёва в состояние молчаливой истерики. До «Подземстроя» оставалось порядка двухсот километров, и полковник молился о том, чтобы закончившиеся мучения стали для него крайними.

На сворачивание баз ушло меньше времени, чем на разворачивание, но за сутки температура за бортом упала до минус десяти, начались грязные снегопады, и лагерь занесло радиоактивным снегом. Под его черным зольным слоем было плохо видно усыпанную обломками замерзшую поверхность, люди спотыкались и скользили, и сворачивание спецпалаток шло медленнее, чем хотелось. Продолжить движение удалось ровно в семь утра, когда ночной мрак сменился пыльным дневным полумраком, к тому времени температура воздуха немного повысилась. Около часа колонна пробивалась через промерзшие россыпи обломков, потом начался очередной радиоактивный снегопад, и скорость упала вместе с видимостью. Опасаясь завязнуть в городских руинах, инженеры перестроили маршрут в обход Нижнего Новгорода, и Брилёв понял, что до истечения цикла антирада колонна может не достичь цели. Он пытался надавить на инженеров, но те хотели выжить не меньше и потому без этого делали все что могли.

– Город лучше обойти, товарищ полковник! – нервно доложил капитан Миронов. – Так будет быстрее и безопаснее! Мы сделали так с Владимиром. Еще на подступах было видно висящее над ним облако пыли. Огромное черное пятно, которое отчетливо различалось даже в этом океане зависшей грязи! Идти через уничтоженный город слишком опасно, можем наткнуться на кратер или рухнуть в обвалившиеся подземные технические пустоты, в городе их полно. Потеря техники для нас – смерть! Мы обошли Владимир, и это себя оправдало, надо сделать это с Нижним, тут облако над городом еще обширней! Как только обойдем, до «Подземстроя» останется сто километров!

– Мы успеем добраться до «Подземстроя» до начала интоксикации? – Брилёв постарался скрыть охватившую его истерику. Ему нужен биорегенератор! Он не перенесет еще одних таких страданий, жуткая многочасовая боль сведет его с ума! – Каковы наши шансы?

– Зависит от того, как быстро обойдем город и переправимся через Волгу, – ответил инженер с уверенностью, за которой угадывалась попытка убедить в лучшем исходе самого себя. – Я не знаю, что с рекой. Пока добирались сюда, мы пересекли два русла мелких рек, воды там не было. Нам главное переправиться, дальше проблем не будет.

Но все проблемы начались именно дальше. Город обошли с севера, высота заснеженного слоя обломков и уровень радиации заметно выросли, но путепрокладочная техника справилась, и колонне удалось выйти к реке. Русло Волги оказалось сильно захламлено обломками, воды почти не было, видимо, выкипела в ядерном огне, а та, что начала прибывать после, замерзает слоями и потому возвращается медленно. Колонна потратила полчаса, но смогла отыскать подходящее для переправы пологое место, и мощная техника пробила путь на противоположный берег. Там высота слоя обломков была гораздо меньше, и россыпи техногенного мусора сменились обугленным хаосом переломанных деревьев, с сухим хрустом рассыпающихся под гусеничными траками. За двое суток снегопады засыпали ямы, упростив движение, но если так пойдет дальше, то все скроется под метровыми сугробами. И риск уронить тяжелую технику в засыпанную заснеженным древесным хламом полость резко возрастет.

В район «Подземстроя» колонна вышла за час до интоксикации. По мере приближения к убежищу, радиоактивный фон быстро увеличивался, и людей охватил молчаливый страх. Кто-то из инженеров сказал, что «Подземстрой» без проблем может выдержать контактный ядерный удар и уж точно даже не заметит воздушного, так что бункер должен был уцелеть. Брилёв авторитетно подтвердил, что это именно так, и по гражданским объектам никто не стал наносить удары противобункерными боеприпасами, потому что это не имеет смысла. Эти боеприпасы дорогостоящие, их в разы меньше обыкновенных, а гражданские объекты не несут стратегической угрозы. К тому же над «Подземстроем» в ходе строительства была насыпана искусственная гора, что серьезно увеличивает его защищенность. Личному составу от его слов стало легче, особенно гражданским, но сам полковник нервничать не перестал, прекрасно понимая, что при наличии хотя бы одного не расписанного по приоритетным стратегическим целям противобункерного боеприпаса противник обязательно ударил бы по «Подземстрою». Он бы сам так поступил. Гражданский бункер не имеет на вооружении ядерных ракет, но кто сказал, что туда не установлены системы управления войсками и там не может быть оборудован запасной КП, в котором укроется командование противника? Причем гражданские заранее об этом вполне могут даже не знать, в нужный момент их просто поставят перед фактом.

Вскоре радиационный фон зашкалил до катастрофического, и стало понятно, что удары по «Подземстрою» наносились не единожды, и как минимум один из них был контактным. Пришелся он точно по вершине искусственной горы, срезав ее наполовину и похоронив вход под тоннами обрушившейся породы. Лес в районе бункера превратился в привычное море обломков, посреди которого находилась массивная земляная насыпь – результат осыпавшейся во все стороны горы. Вход в бункер, ранее находившийся на поверхности, сейчас располагался где-то под ней. Инженеры заявили, что попытаются определить его местонахождение посредством наложения схемы объекта на карту местности, и порекомендовали искать место под лагерь. Эту команду Брилёв отдавал, скрипя зубами от злости и одновременно холодея от страха.

Колонна поползла к предполагаемому месту расположения входа, и глазам личного состава открылось жуткое зрелище. То тут, то там, на склонах образовавшейся насыпи лежали обезображенные радиацией человеческие трупы. Где-то поодиночке, где-то группами, вокруг замерзших костров и просто на голой земле, в собранных из чего попало укрытиях и спальных мешках, в сорванных и скомканных ураганами палатках. Среди летних одежд попадались теп-

лые вещи, дважды или трижды полковник даже замечал полузасыпанные снегом скафандры разных моделей... Пережившие обмен ударами люди окрестных населенных пунктов пытались дойти до спасительного «Подземстроя» и оставались умирать на склонах раздавленной ядерным взрывом горы, похоронившей под собой вход в бункер. Те, чьи останки сейчас проплывают за бортами боевых машин, приходили сюда в разное время, но все они остались тут навсегда. Скорее всего, оказавшись здесь, среди трупов тех, кто пришел раньше, многие понимали, что найти «Подземстрой» они не смогут и оставаться тут означает смерть. Но у людей уже не осталось сил на обратный путь и было некуда возвращаться. И количество замерзших трупов увеличивалось. Судя по тому, что через наблюдательные приборы полковник видит их десятки, по всей насыпи их должны быть сотни...

Это зрелище окончательно добило Брилёва, и он понял, что приближающаяся интоксикация может навсегда оставить его на этом жутком кладбище, в каких-то метрах от спасения. Везение не может быть бесконечным, но никто не бывает заранее предупрежден о том, что исчерпал свой лимит. Полковник вышел в эфир и приказал инженерам начать раскапывать вход, как только они закончат определять его координаты, а всем остальным приготовиться к передозировке.

– Может, лучше приступим к раскопкам завтра? – без особой уверенности возразил Миронов. – Еще одна передозировка – это большой риск... Лучше выйти из горячей зоны, переждать интоксикацию и вернуться...

– Сколько времени мы потеряем только на передвижения туда-сюда? – с нажимом произнес Брилёв. – На сворачивание-разворачивание базы неподготовленными людьми? Кто еще может погибнуть, не выдержав интоксикации или в результате несчастного случая? Температура воздуха постоянно падает, вы уверены, что сразу заведете технику, если она простоит сутки на морозе? Сколько энергии мы сожжем, если не глушить ее вообще? На все это могут уйти часы, и в итоге мы имеем все шансы все равно пойти на передозировку! В «Подземстрое» есть биорегенераторы, и чем раньше мы туда попадем, тем больше у нас шансов! Начинайте раскапывать вход и обеспечьте непрерывную работу в эфире! Внешнего оборудования у «Подземстроя» не осталось, но на небольшом расстоянии их средства связи должны нас слышать, там оборудование мощнее, чем в Росрезерве! Как только мы установим с ними связь, они готовят медицинский отсек к нашему приему!

Спорить никто не стал. Не пережить очередную интоксикацию боялись все, в том числе инженеры, и усеянные мертвецами склоны лучше любых приказов побуждали людей к действию. На раскопки бросили всю имеющуюся технику, к моменту принятия антирада было прорыто несколько метров тоннеля, и назначенные на радиообмен спецназовцы непрерывно вызывали «Подземстрой» в эфире. Капитан Миронов пытался докладывать подробности работанного его командой плана раскопок, что рыть вертикальный котлован в условиях постоянных ураганов небезопасно, кроме того, его быстро засыплет ветрами, поэтому тоннель будет представлять собой ров каньонного типа, проведенный к предполагаемому месту входа и углубляемый послойно, и так далее. Вдаваться в технические тонкости Брилёв не стал, предоставив инженерам свободу действий. Пусть делают что угодно, лишь бы он попал в «Подземстрой». После того как они откопали вход в Росрезерв, все убедились, что в этом нет ничего невозможного, тем более теперь в их распоряжении имеется современная техника, а глубина завалов здесь не может превышать десяти метров по их же собственным расчетам. Главное, что полковнику хватило людей, обученных работе с этой техникой.

Но все вышло не так, как рассчитывалось. Отряд вел раскопки более трех часов, углубляя ров все сильнее, но вход в «Подземстрой» обнаружить не удавалось. К восемнадцати часам глубина рва в расчетной точке составила четыре метра, длина более пятидесяти, извлекаемый грунт изобиловал обугленными обломками деревьев, расколотыми оплавленными валунами и излучал не меньше, чем сыплющийся с неба черный снег. Из-за сильной ионизации атмосферы

передатчик «Подземстрой», с трудом пробивающийся через помехи и толщу грунта, услышали не сразу. Несколько визгливый и сильно взбудораженный женский голос вызывал спасателей на поверхности и просил о помощи.

– Спасательная команда! Вы нас слышите? – Судя по голосу, женщине было под пятьдесят, но сдерживать эмоции ей не удавалось, и ее фразы получались слишком быстрыми, и сквозь шипение эфира становились понятными не сразу. – Это «Подземстрой»! Мы слышим ваши переговоры! Ответьте! Спасательная команда на поверхности! Ответьте «Подземстрой»! Нам срочно требуется помощь! У нас вышла из строя система охлаждения реактора! Запас аварийного питания почти исчерпан! Продовольственные фермы под угрозой обесточивания! У нас сильное перенаселение, бункер принял более пяти тысяч человек, наши возможности не рассчитаны на такое количество людей! Необходима эвакуация части граждан и экстренные ремонтные работы в реакторе! Но нас завалило обрушением, мы не можем открыть ворота! Спасательная команда, вы нас слышите? Это «Подземстрой»! Мы слышим ваши переговоры...

Следящий за эфиром Терек ответил, и женщина заговорила еще быстрее:

– Слава богу! О нас наконец-то вспомнили! Первые двое суток военные игнорировали наши просьбы о помощи, потом на горе произошел ядерный взрыв, и мы остались без радиосвязи! Нам срочно нужна помощь! Система охлаждения реактора вышла из строя, нам пришлось перевести его на холостой режим! Срочно пришлите специалистов! Но вход завалило обрушением, мы не можем выйти наружу! Что происходит на поверхности? Война уже закончилась?

– Всем уйти с аварийной частоты! – рявкнул Брилёв, знаком подавая Тереку приказ молчать. – Перейти на первый канал! Говорить буду я!

Он спинным мозгом почувствовал серьезные проблемы и сразу понял, что рассказывать «Подземстрой» все как есть, ни в коем случае нельзя. Если гражданские запаникуют, то могут не открыть ворота, даже если их удастся откопать. Возможно, бункер получится взять штурмом, но это означает разрушение входного шлюза и преодоление лифтовой шахты километровой глубины и взлом нижних ворот. Бункер окажется под угрозой радиоактивного заражения, что неприемлемо. Если понадеяться на здравый смысл администрации и попытаться уговорить их, то все может сильно затянуться, и Брилёву неизбежно придется пережить интоксикацию передозировки. Одна только мысль о предстоящей дикой боли вселяла в него животный ужас. Нет! Он попадет в «Подземстрой» во что бы то ни стало! Ему необходим биорегенератор, и он его получит! Но для этого нужно действовать более тонко.

– «Подземстрой»! – полковник вышел в эфир на аварийной частоте. – Это полковник Брилёв, МЧС! С кем я говорю?

– София Кагановская, заместитель Управляющего! – нервные визгливые интонации говорившей неожиданно напомнили полковнику голос жены во время извечных скандалов, и он сразу же почувствовал острую неприязнь к собеседнице. – Нам срочно нужны специалисты по системе охлаждения реактора! Что происходит наверху? Война уже закончилась?

– Война закончилась, противник уничтожен, – заверил ее полковник, – в настоящее время МЧС проводит масштабные спасательные операции! Я немедленно запрошу у штаба специалистов для вашего реактора! Но на их прибытие потребуется время. София, в ходе спасательных мероприятий мы извлекаем из-под завалов множество пострадавших. Вы можете временно разместить пятьдесят человек и оказать им медицинскую помощь?

– Это нереально! – нервно запротестовала женщина. – Наши площади рассчитаны на две тысячи триста человек, мы приняли более пяти тысяч! Номера переполнены, многие спят в служебных помещениях! Необходимо эвакуировать хотя бы пятьсот жильцов, нам негде размещать новых! У нас три биорегенератора, но из медперсонала только дежурная медсестра! Когда все началось, была суббота, большая часть работников была на выходных, на местах находился минимум технического персонала! Единственный техник, обслуживающий реактор,

получил травму, когда пытался чинить систему охлаждения! Мы перевели бункер на аварийное питание, но оно заканчивается! Если реактор не починят в ближайшие дни, наша гидропоника выйдет из строя, животные на фермах останутся без света! Полковник, вы должны как можно быстрее эвакуировать людей и починить реактор! Вы поняли меня?

– Принято, «Подземстрой», оставайтесь на связи! – Брилёв виртуозно скрыл охватившую его ненависть. Ты сидишь там, под землей, в безопасности и даже не представляешь, какой здесь ад и через что нам пришлось пройти, чтобы добраться сюда! Но зато ты лучше всех знаешь, что и кому мы должны! У меня полста человек должны зависеть от твоего решения?! Нет, так сильно рисковать собой он собирается. Идея представиться спасателем была правильной. Он разыграет эту карту.

– Внимание всем! – полковник перешел на частоту внутреннего эфира. – У «Подземстроя» серьезные проблемы, они паникуют, и я не хочу проверять, как они отреагируют на нашу просьбу о спасении! Поэтому для всех мы – спасатели МЧС, прибывшие сюда специально для оказания помощи «Подземстрою-1»! Сейчас главное – попасть внутрь и получить медицинскую помощь! Дальше разберемся в ситуации и будем действовать по обстановке!

Отряд продолжил земляные работы, но вскоре их пришлось остановить. По указанию инженеров Брилёва, Кагановская велела дежурному по радиоузлу поддерживать со спасателями непрерывную связь, и быстро выяснилось, что они роют не там, где надо. Во время нахождения в Росрезерве инженеры привязали карту к местности достаточно точно, погрешность была минимальной, но на удалении почти в пятьсот километров отклонение от расчетной точки оказалось значительным. В результате место расположения входа было определено неправильно, и отряд был обречен на неудачу и последующую гибель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.